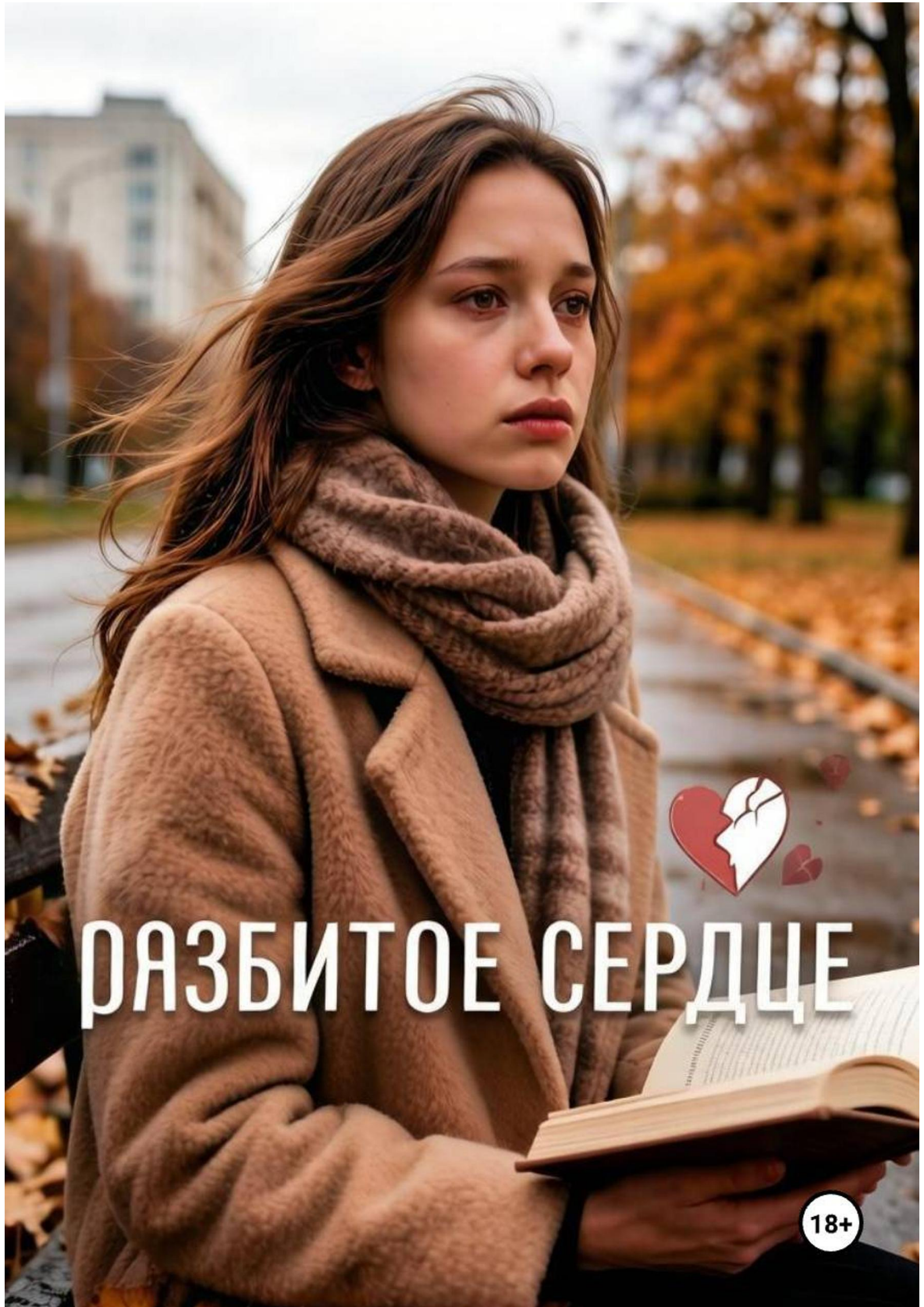

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

18+

Ани Вебр

Разбитое сердце

«Автор»

2026

Вебр А.

Разбитое сердце / А. Вебр — «Автор», 2026

После трагедии, девушка теряет смысл жизни. Встретив парня, запутавшегося в своей жизни. Они начинают помогать друг другу, обрести себя нового. Чем закончится это знакомство любовью или дружбой?

Ани Вебр

Разбитое сердце

Даже разбитое сердце,
Может помочь
Обрести счастье
Затерянной душе.

ГЛАВА 1

Ольга.

Проснувшись сегодня утром, я решила начать новую жизнь. За окном стоял непроглядный предрассветный сумрак — редкий для сентября, когда осень обычно вступает в свои права с дерзкой прохладой и горьким запахом паленых листьев. Но этот рассвет был серым, ватным, как будто небо не захотело просыпаться вместе со мной. Сколько можно страдать и лить слезы в одиночестве. Я и так потратила на самобичевание слишком много времени. Три года затворничества — это слишком большой срок.

Новая жизнь началась со смены имиджа. Утром, стоя в ванной перед зеркалом, принимая решение о начале новой жизни, я обрезала свои длинные белокурые волосы под каре и перекрасилась в угольно-чёрный. Ножницы холодно поблёскивали в тусклом свете лампы, и каждое сомкнутое лезвие отрезало не прядь — а кусок прошлого. Белокурые локоны падали на кафельную плитку, свиваясь в мёртвые кольца, и я смотрела на них без жалости. Краска тёмная, как Соal как безлунная ночь, пахла резко, едко — запах перемен, которому невозможно сопротивляться. Этот цвет как нельзя лучше отражал настроение моей души. Чёрный — не цвет скорби, а цвет обугленной решимости, цвет двери, которую захлопывают навсегда. Одев чёрные леггинсы и удлинённую фиолетовую фланелевую футболку, осталась довольна своим новым обликом. Зеркало вернуло мне незнакомку — бледное лицо, обрамлённое тёмными короткими прядями, и взгляд, в котором ещё теплилось что-то живое, как последний уголёк в остывающем костре.

Все эти годы надеялась, что он вернётся. Каждый день искала в проходящих мимо людях его лицо. Знакомые и такие любимые черты — лицо Антона. Человека, которого так люблю. Увидев парня впервые, на вечеринке у подруги, я безнадёжно и навсегда влюбилась. В дальнем углу гостиной, в полумраке, куда не доставал яркий свет люстры, стоял парень. Чуть выше меня ростом, угрюмый и в гордом одиночестве. Коротко стриженные каштановые волосы, чуть растрёпанные, будто он только что провёл по ним рукой. Грустные серые глаза, без всякого интереса блуждали по толпе. Розовые губы, сжатые в тонкую линию. Он был одет в джинсы и голубую футболку, облегающую накаченный торс. Казалось, Антон был обижен и зол на весь мир, может, именно поэтому он стоял отдельно от всех. Когда наши взгляды встретились, моё сердце екнуло. Меня так потянуло к нему — как мотылька тянет к свету, даже если знаешь, что крылья могут вспыхнуть. Он с интересом разглядывал меня, его недобрый взгляд пугал, но и притягивал как магнит. Если бы знать, чем всё закончится, я бы...

Сквозь размышления я услышала телефонный звонок. Мелодия резнула тишину квартиры, как камертон — резко, почти физически ощутимо.

— Да. — поднесла я телефон к уху.

— Такси подъехало, можете выходить. — вежливо отозвалась девушка на том конце провода.

— Хорошо, уже спускаюсь. — легко отозвалась, подхватывая сумочку.

Последний раз оглядела квартиру, в которую я, наверное, никогда не вернусь. Мой любимый диванчик молочного цвета, на котором лежала жёлтая подушка, которая знает все мои тайны и печали. Сколько слёз было пролито на неё — столько, что, казалось, она впитала их, как губка, и должна была потяжелеть от чужого горя. Стекланный столик, я почти не пользовалась им — лишь ставила чашку остывшего чая, который заваривала по привычке и никогда не допивала. Телевизор на тумбочке, под болтовню которого я засыпала по ночам — его мерцание было единственным живым движением в квартире, не считая моего дыхания. Всё настолько родное, но в то же время слишком опостылевшее. Утреннее косое окно из окна падало на кухонный пол косо, высвечивая висящие в неподвижном воздухе пылинки, и от этого комната казалась ещё пустее — как декорация к спектаклю, который давно сыгран и забыт. Взяв небольшую дорожную сумку, я вышла из квартиры. Дверной замок щёлкнул за спиной — коротко, буднично, будто и не было за этой дверью трёх лет тишины.

Поеду в Москву! Решила я. Посмотрю нашу столицу. Ведь я никогда не выезжала за пределы Екатеринбурга. Всегда боялась перемен и неизвестности. А в последние три года даже из квартиры почти не выходила. Надеюсь, что Антон вернётся и не хотела пропустить его возвращение. Выходила только за продуктами, да и то ненадолго — в магазин за углом, где продавщица уже перестала задавать вопросы и просто молча отсчитывала сдачу. Каждый раз, возвращаясь с пакетом, я задерживалась у подъезда — вдруг он стоит там, прислонившись к стене, как тогда, когда мы поссорились и он ушёл, а через час вернулся. Но у подъезда никого не было. Только обшарпанный почтовый ящик да бродячий рыжий кот, который давно принял меня за свою. Надежда таяла с каждым новым прожитым днём. Пока сегодня не растаяла окончательно — как последний подснежник под последним снегом, которого ещё утром казалось вечным, а к полудню не осталось и следа.

Моя сестра Настя навещала меня два раза в неделю. При каждой встрече твердила, чтоб я забыла его и продолжала жить дальше. Я очень благодарна ей за поддержку. Когда в один день я потеряла Антона, ребёнка, работу и смысл жизни — всё рухнуло в одну безжалостную секунду, как карточный домик, — она единственная, кто был рядом. Пока другие друзья тихо исчезали один за другим, будто горе было заразно, Настя входила в мою квартиру с тяжёлыми сумками и неизменной фразой: «Я тут». Пять лет она не оставляла меня. Моя младшая сестрёнка, несмотря на свой возраст, удачно вышла замуж в восемнадцать лет, и через два года с любимым мужем они раскрутили довольно прибыльный бизнес. У него был салон красоты, а теперь они имели целую сеть салонов. Именно благодаря этим двум влюблённым я могу позволить себе не работать, а сидеть дома и убиваться по своей потерянной жизни. Когда утром я позвонила Анастасии и заявила, что хочу уехать в Москву и начать новую жизнь, она, не раздумывая, согласилась помочь финансово. На том конце повисла пауза — я слышала, как она сдерживает дыхание, чтобы не расплакаться, а потом короткое, сдавленное: «Наконец-то».

Настя младше всего на два года. После трагической смерти родителей, в свои восемнадцать я взяла опеку над ней и два года заменяла ей мать. После её замужества поддерживала во всех начинаниях и давала советы, если было необходимо. Четыре года была хорошей старшей сестрой, но после трагедии, случившейся со мной, эту роль взяла Анастасия. И вот уже пять лет она заботится обо мне. Может, я решила начать всё с начала не ради себя, а ради неё? Настя должна заниматься своей семьёй, а не нянчиться со мной. Как бы там ни было, мой отъезд значительно облегчит ей жизнь. Ведь первые два года из пяти она отдавала всю себя, чтоб поставить меня на ноги, и только после моего выздоровления согласилась, чтоб я снова стала жить отдельно. Но всё равно продолжала часто навещать меня. Пять лет, раз за разом, продолжала убеждать меня, что жизнь продолжается и на Антоне свет клином не сошёлся. Хотя в самом начале я вообще не понимала, зачем дальше жить и почему я вообще осталась жива? Когда мы с Антоном были вместе, это было счастливое время. Несмотря на частые скандалы, я действительно по-настоящему была счастлива. Этот год я помню до мельчайших подробно-

стей. И сколько бы ни проходило времени, ни одна деталь не ускользает из памяти. Он заботился, когда я болела, радовался моим достижениям. Помню нежные объятия по вечерам — я прижималась к нему на кухне, пока закипал чайник, и он целовал меня в макушку мимоходом, будто это была самая естественная вещь на свете. Часто бегали как дети по дому и бросались подушками. Было много прекрасных моментов. Так же любовь к нему не слабеет ни на грамм. В тот роковой день...

— Мы приехали. — раздался голос.

— Что? — я пыталась собраться с мыслями, возвращаясь в реальность.

— Я говорю, мы приехали. — повторил водитель такси. — Вокзал! — он рукой указал на пейзаж за окном.

Переведя взгляд за окно машины, увидела возвышавшееся здание железнодорожного вокзала. Оно стояло серой глыбой на фоне пасмурного неба, тяжёлое и основательное, как каменный страж у ворот чужого города. Быстро достав деньги и протянув водителю, взяла сумку и стала выбираться из машины. Осенний воздух ударил в лицо — прохладный, с привкусом бензина, металла и чужих, дальних дорог.

Направляясь к величественному зданию, с серой облицовкой и большими ветровыми стёклами, с каждым шагом сердцебиение становилось всё сильнее. Почему я так волнуюсь? Из-за неизвестности перед будущим или от попытки оставить прошлое. Зайдя в здание, сердце стучало с такой скоростью, что отзывалось в горле. Ноги стали словно свинцовые, в глазах всё плыло, земля уходила из-под ног. Гул вокзала — голоса, объявления, гудки, скрип колёс, детский плач, чей-то смех — всё слилось в единый гудящий комок, который давил на виски, как тугая повязка. Когда я думала, что упаду, меня подхватили чьи-то сильные руки. Прикосновение было тёплым и неожиданно уверенным — будто земля сама протянула ладонь.

— Вам не хорошо? — раздался бархатный мужской голос. — Может, скорую вызвать?

— Нет, нет! Сейчас отдышусь, и всё будет нормально. — сглотнув комок, произнесла я как можно уверенней.

Дыхание стало приходить в норму, и я повернулась в сторону доброжелателя. На меня с тревогой смотрел парень немного старше меня. Короткие волосы, в тон моим, пухлые губы с едва заметной улыбкой, карие глаза блестели добротой. Среднего роста и телосложения, но довольно сильный. Смуглая кожа делала его ещё более привлекательным. Отметила я, разглядывая его так откровенно, что не сразу заметила, что он делает то же самое. Где-то за спиной объявили посадку — женский голос по радио прозвучал приглушённо, будто из другого мира, — и я вдруг осознала, что стою так близко к незнакомому человеку, что чувствую запах его одеколона: что-то древесное, тёплое, с нотой сандала, совершенно не похожее на то, к чему я привыкла за годы одиночества.

— Спасибо. — заговорила наконец я, пытаюсь освободиться из его объятий.

— Не стоит. — произнёс он с обворожительной улыбкой, отпуская меня.

Только шагая по перрону и окончательно придя в себя, я осознала, как давно я не говорила ни с кем, кроме сестры. Конечно, не считая таксиста, диспетчера и продавщицы в магазине. Перрон дышал осенью — пахло нагретым солнцем бетоном, машинным маслом и далёкими, неведомыми мне городами, куда уходили рельсы, блестя на тусклом солнце, как струны огромного настроженного инструмента. Спустя пару минут нашла нужный вагон и купе. В купе было пусто. Располагая достаточным количеством денег благодаря сестрёнке, я хотела выкупить все четыре места, чтоб ехать в привычном одиночестве. Но, увы, свободных купе не было. Это было единственным, где был куплен только один билет. С одним попутчиком ехать лучше, чем с тремя, подумала я и купила три оставшихся билета, два нижних и одно верхнее место. В надежде, что случайный попутчик не появится, я легла на одну из нижних полок, отвернувшись к стене, и провалилась в сон. Поезд тронулся мягко, едва ощутимо — лишь лёгкий толчок и ровный стук колёс, словно кто-то размеренно отбивал ритм по пустой

железной бочке. За окном поплыли назад платформы, фонари, чьи-то машущие руки, и всё, что было моей жизнью до этого утра, — уменьшалось, таяло и наконец исчезло за поворотом, оставив лишь тонкую полоску дыма над рельсами.

ГЛАВА 2

Евгений.

Я шёл вдоль поезда, ища свой вагон, прокручивая в голове случайное знакомство. Перрон был почти пуст — последние пассажиры торопливо забирались в вагоны, а проводницы уже посматривали в мою сторону с нетерпением. Осенний ветер с реки нёс запах мазута и холодного металла, и где-то далеко впереди локомотив глухо выдохнул, будто живое существо, которому надоело стоять на месте. Красивая девушка, которую я поймал у входа. Её лицо было настолько печальным, что у меня перехватило дыхание — не от её тяжести, а от неожиданности. Что же с ней произошло? Лицо как у ангела с ярко-зелёными глазами, в которых было столько печали, что можно было бы заполнить целый город. На миг показалось, что эта печаль — не на один день и не на одну беду, а что-то глубинное, въевшееся в кожу, как запах дыма в одежду, которую давно не выстирать. Невысокая, стройная, её чёрные волосы придавали облику траур, хотя и подчёркивали красоту — резкую, почти болезненную, как красота поздних осенних цветов, что цветут наперекор всему. Открыв дверь купе, перед глазами оказалась всё та же девушка. Она спала, свернувшись калачиком на нижней полке, подложив куртку под голову. Во сне её лицо разгладилось, стало мягче, но между бровей залегла тонкая складка — след привычной тревоги, которая не отпускала даже здесь. Стараясь не создавать много шума, я запрыгнул на свою верхнюю полку и погрузился в свои мысли.

Почему в моей жизни всё так сложилось? Раз за разом я задавал себе один и тот же вопрос. Но сейчас как никогда хотел бы знать на него ответ. Я запутался. Совсем запутался в своих мыслях, действиях, жизни. Больше всего — в жизни. Можно сказать, что потерялся в этом огромном мире, потерялся в себе и своих желаниях. Больше не понимаю, чего хочу на самом деле. Что делать? Куда двигаться? Как я, будучи успешным предпринимателем, скатился на самое дно существования? Ну, или почти на самое дно. С одной стороны, я всё сделал правильно, но почему же тогда не отпускает чувство, что сделал что-то не так — будто выстроил ровный, крепкий дом, а фундамент заложил на песке, и теперь стены медленно, но верно кренятся. Когда Саша позвонила поздно ночью и кое-как сквозь слёзы объяснила, где находится, я бросился туда, даже не поняв, что произошло. Телефон выпал из рук, я поймал его на лету, натягивая куртку прямо на ходу — пуговицы не застёгнулись, но мне было не до них. Всю дорогу молился, чтоб было всё не так уж плохо, как передавало её состояние по телефону. Таксист бросал на меня взгляды в зеркало — я, наверное, выглядел безумно: бледный, с вечно уставшим видом, шепчущий губами слова, которые не имели звука.

Добравшись, картина разворачивалась ужасающая. Фонари вдоль дороги бросали мертвенный жёлтый свет, в котором всё выглядело ещё страшнее, чем в темноте. Александра в слёзах с размазанной тушью по лицу — чёрные потёки текли по щекам, как трещины на старой фарфоровой кукле, и она дрожала всем телом, мелко, часто, как человек, которому некуда бежать от собственного ужаса. Машина помята — капот смят гармошкой, одна фара разбита и тускло мигала, как нервный тик. А перед ней на земле лежала девушка, и моё сердце остановилось. Саша сбила человека. Девушка лежала вся в крови. Лицо всё в ссадинах и кровоподтёках. Одежда местами порвана — ткань пропиталась и потемнела, прилипла к телу, и от этого казалось, что ран больше, чем видно. На асфальте тоже кровь, много крови — она растекалась неровным, ленивым озером, впитываясь в трещины дороги, и в свете мигающей фары казалась почти чёрной. Но не понятно, откуда именно. Видимых больших ран не видно. Я бросился к ней — колени ударились об асфальт, руки стали липкими и горячими, и я почувствовал,

как мир вокруг сузился до этого бледного лица и слабого, едва различимого дыхания. Пульс прощупывался — слабый, неровный, но был, и за это я благодарил кого-то невидимого над головой. Вызвав скорую, переключил внимание на Александру.

— Послушай меня. — тряс я её за плечи, но она смотрела сквозь меня пустым, расфокусированным взглядом. — Постарайся успокоиться. — чтоб привлечь внимание Саши, мне пришлось дать ей пощёчину. Звук получился сухим, коротким — как выстрел в тишине, — и на секунду её глаза прояснились. — Соберись! — орал я. — Вытирай слёзы и слушай меня внимательно. Ты сейчас быстро приходишь в себя и отправляешься домой. Пройди пешком подальше отсюда и вызови такси. Дома быстро приведи себя в порядок и ложись спать. Ты никуда не ездила. Ты спала дома.

— Но как же? — она смотрела не понимая, и в её глазах я увидел ужас, который переходил в отчаяние. — Меня всё равно посадят, они всё узнают и посадят, это ведь моя машина.

— Послушай. Никто тебя не посадит. Моя машина в ремонте, я приехал на такси, вышел за углом. Я скажу, что взял твою машину. — старался объяснить я быстро, но как можно доходчивей, чеканя каждое слово, будто вбивая гвозди. — Скажу, что я виноват в случившемся. А ты должна быть дома в нормальном состоянии, когда придёт полиция. Я возьму вину на себя. Запомни, что должна сказать. Я попросил твою машину и уехал по делам, а ты легла спать. Запомнила. — Саша мотала головой в знак согласия и стала вытирать слёзы — тыльной стороной ладони, размазывая тушь ещё больше, но взгляд уже стал осмысленным. — А теперь давай уходи, скоро придет скорая помощь.

После её ухода всё так закрутилось. Сирена скорой разрезала ночную тишину — пронзительно, как нож, — и красно-белые огни залили дорогу, деревья, наши лица неровным пульсирующим светом. Скорая помощь, забрав девушку, вызвали полицию. Меня арестовали. Изолятор, дознание, следствие. Каждый следующий день был похож на предыдущий — серый, как стена камеры, на которую я смотрел часами, считая трещины в штукатурке, пока они не начали казаться картой неизвестной страны, по которой я блуждал. Изолятор пах казённым мылом, железом и чужим страхом — запахом, который въедается в ноздри и не выветривается месяцами. С Александрой видаться не давали, но раз я сижу, значит, она на свободе, и эта мысль меня успокаивала — единственная нить, за которую я держался в темноте. Суд прошёл как в тумане — лица, голоса, бумаги, всё плыло и сливалось, будто я смотрел на происходящее сквозь мутное стекло. Адвокат пытался уменьшить срок, говорил что-то о том, что я чисто-сердечно во всём признался, вызвал скорую, не скрылся с места преступления. Но мне в тот момент было не важно, сколько мне дадут. Для меня самым главным было, чтоб Александра осталась на свободе. Я её любил безумно, любил и хотел уберечь от всего этого — и это чувство было единственным, что ещё имело вес, всё остальное стало картонным, ненастоящим. Только после вынесения приговора сроком на пять лет я перестал переживать за неё и в полной мере осознал, что меня ждёт. Хотя на тот момент и не до конца понимал, что именно ожидает, с чем придётся столкнуться. Первое время было действительно тяжело. Тогда я всё больше убеждался в том, что правильно поступил — она бы тут не смогла находиться. Саша не пережила бы и десяти процентов из того, через что прошёл я. Я даже вспоминать об этом не хочу — шрамы на теле, на руках, спине и так не дадут забыть об этом никогда. Ночами, когда камера затихала и оставался только храп соседей да далёкий лай собак за забором, я ложился на спину и смотрел в потолок, чувствуя, как каждый шрам на коже ноет по-своему, — будто тело вело собственный дневник, который невозможно сжечь.

Но с каждым днём становилось легче, и в конце срока было уже вполне приемлемо. Я научился не замечать запаха хлорки, не слышать гула труб по ночам и почти не вздрагивать, когда железная дверь лязгала засовом. Примерно через год появились друзья, или вроде того — люди, с которыми можно было молча курить в прогулочном дворике, глядя на клочок неба над забором, и этого было достаточно.

Саша приезжала всё время, как только давали свидания. Говорила, что любит и ждёт. Я мало что рассказывал ей, не думаю, что ей надо это знать. Всегда говорил, что всё хорошо, даже когда было не так. И вот спустя пять лет я вышел — дверь за спиной закрылась с тем же лязгом, к которому я привык, но теперь он прозвучал иначе: не как замок, а как щелчок — будто кто-то переключил канал. Александра меня встречала. В её глазах стояли слёзы, но она улыбалась — той улыбкой, которую я хранил в памяти всё это время, как единственную фотографию, которую не отняли. Мы вернулись в родной город, и...

Поезд остановился, и это выдернуло меня из прошлого — короткий толчок, скрежет тормозов, и всё. Я открыл глаза и увидел озадаченное лицо незнакомки. Она смотрела на меня — внимательно, с тем же выражением, с которым смотрят на человека, разговаривающего во сне, — но когда наши взгляды пересеклись, она отвернулась в сторону и быстро вышла из купе. Дверь за ней мягко скользнула, оставив после себя лёгкий сквозняк и запах чего-то цветочного — тонкий, неуверенный, как первый тёплый день после долгой зимы.

В купе повисла тишина, нарушаемая лишь далёким, чуть приглушённым гулом вокзала — будто мир за пределами вагона жил своей отдельной, торопливой жизнью. Полоска света из коридора легла на пол неровной золотой лентой, высветив кружащиеся в воздухе пылинки — они плыли медленно, лениво, словно не хотели расставаться с покоем этого замкнутого пространства. За окном темнели силуэты перрона, размытые сумерками; редкие фонари бросали на асфальт тусклые круги света, похожие на застывшие лужицы янтаря.

Я провёл ладонью по лицу, пытаюсь стряхнуть остатки сновидения, но оно цеплялось за сознание рваными, неясными образами, словно обрывки старой плёнки. В груди ещё жило странное, щемящее чувство — будто я только что потерял что-то важное, ускользнувшее вместе с последним кадром забытого сна. И в этом полумраке купе, среди чужого, едва уловимого аромата, мне вдруг стало невыносимо одиноко — как бывает, когда понимаешь, что все вокруг погружены в свои миры, а твой остаётся невидимым для остальных.

ГЛАВА 3

Ольга.

Увидев, что он смотрит на меня, я тут же выскочила за дверь, будто за спиной вспыхнул невидимый огонь. Его лицо казалось знакомым, но я никак не могла вспомнить, где именно его видела — образ мелькнул и ускользнул, как тень, которую пытаешься поймать взглядом, а она рассыпается в дым. За эти годы отвыкла от людей настолько, что ощущаю себя крайне неловко в присутствии посторонних — будто я долго жила под водой и теперь, вынырнув, не могу привыкнуть к тяжести воздуха и яркости света. Выйдя из вагона на свежий воздух, пыталась успокоить волнение: грудь вздымалась часто, как у загнанной птицы, а пальцы невольно сжимались и разжимались, будто искали опору. Раз уж начала новую жизнь, надо привыкать к людям, иначе ничего не получится.

Моё внимание привлёк разговор проводницы с миленькой бабулечкой. Они стояли у тамбура, и вокруг них будто сгустился отдельный мир — напряжённый, дрожащий от невысказанных слов.

— Ну, доченька, войди в моё положение, — почти молила бабушка, и голос её дрожал, как натянутая струна, готовая порваться. — Я же говорю, что это все деньги, что у меня есть. Возьми, только посади в вагон.

Приглядевшись, я увидела, как бабушка сует проводнице двести рублей — купюра была мятой, с загнутым уголком, будто её много раз доставали и прятали, гладили пальцами в надежде, что она станет больше.

— Да не нужны мне ваши деньги, — отмахивалась девушка, но в её резкости сквозила не жестокость, а усталость — та, что въедается в плечи и делает голос грубее, чем хочется. — Купите билет в кассе, и я вас пушу в вагон.

— Ну, миленькая, — ещё жалостней говорила бабушка, и в её глазах уже стояли слёзы, прозрачные, как дождевые капли на стекле. — Там нет билетов за эти деньги, а мне в Москву надо. У меня внучка в больницу попала. Возьми деньги, только впусти, я готова в тамбуре стоя ехать, до самой Москвы. Только возьми.

На её морщинистых руках, сложенных в умоляющем жесте, проступали тонкие синие вены, похожие на старые дороги на потёртой карте. Даже мне стало жаль старушку — в груди что-то сжалось, как будто кто-то осторожно, но крепко сжал сердце. Но проводница была непреклонна.

— Нет. Вы вообще в своём уме? До Москвы ещё почти сутки пути.

Я слушала, и в голове постепенно прояснялось — не от воздуха, а от внезапной ясности, которая приходит, когда видишь чужую беду не сквозь стекло, а вплотную. Пришло осознание: может, я осталась жива, чтобы сделать что-то хорошее в своей жизни. Начну помогать людям, чтобы оставить после себя хоть что-то — пусть даже крохотный след, как отпечаток босой ноги на мокром песке, который смоем волна, но на миг он был.

— Простите, — вмешалась я в разговор, который пошёл по пятому кругу, и собственный голос прозвучал неожиданно твёрдо, будто я сама удивилась своей смелости. — Я возьму эту бабушку в своё купе.

— Что значит, возьмёте? Кто вам разрешит? — возмутилась девушка, и её лицо на секунду стало жёстким, как застывшая маска. А бабулька с надеждой смотрела на меня — в этом взгляде было столько доверия, что я почувствовала себя одновременно сильнее и уязвимее.

— Мне не нужно чьё-то разрешение, — вздёрнув подбородок с вызовом, ответила я. — У меня три билета! Я могу и двух бабушек взять!

Проводница глубоко задышала — ноздри то раздувались, то снова расслаблялись, будто она пыталась вдохнуть не воздух, а спокойствие. Она заговорила почти через минуту, и в её голосе уже не было прежней резкости — только усталое принятие.

— Ну хорошо, только с соседом по купе будете сами разбираться.

— Я имею право на три полки, и мне всё равно, что он думает, — бросила я через плечо, помогая бабушке подняться. Её рука была тонкой, хрупкой, как птичья лапка, но тёплой — и эта теплота странным образом придавала мне сил.

— Спасибо тебе, доченька, — заговорила она, подходя к двери купе, и голос её уже не дрожал, а звенел от облегчения. — Я буду тихонечко себя вести, как мышка.

— Не стоит благодарности, и можете не переживать, ведите себя как обычно, — успокаивала старушку, чувствуя, как внутри разливается непривычное, но приятное тепло — будто я наконец сделала что-то правильное.

Мы зашли, и пока я закрывала дверь, отсекая гул перрона и чужие голоса, старушка села на место, где я недавно спала. Подушка ещё хранила отпечаток моей головы, и на миг я почувствовала странную связь между этим мгновением и тем, каким оно могло бы быть, если бы я не решилась выйти. Парень сидел на противоположной стороне — спокойный, собранный, но в его взгляде читалось лёгкое недоумение, как у человека, который наблюдает сцену из чужого сна. Долго не раздумывая, я заговорила:

— Можете располагаться на этом месте, — провела я рукой по полке, на которой она сидела, и, бросив на парня беглый взгляд, принялась рыться в своей сумке. Он удивлённо выгнул бровь, когда я подала один из билетов старушке — в этом жесте было что-то почти театральное, как в моменте, когда фокусник достаёт из рукава не кролика, а чью-то надежду.

— Вот, возьмите, это будет ваш билет.

— Спасибо тебе, милая, — отозвалась бабушка, пряча билет в своей сумке, и пальцы её слегка дрожали — то ли от волнения, то ли от благодарности, которая не уместается в словах.

Я быстро запрыгнула на верхнюю полку, чтоб освободить старушке пространство — пружины скрипнули под моим весом, и этот привычный звук вдруг показался мне уютным, почти домашним. Та поставила сумку в угол под стол — старая, с потёртыми боками, она выглядела как верный спутник, прошедший сотни дорог. Бабушка сняла кофту — вязаную, с крупными петлями, пахнущую домом и чаем, — и, повесив на крючок, вновь села, сложив руки на коленях, как ученица, старающаяся быть незаметной. Воцарилось неловкое молчание — оно повисло в воздухе, плотное и осязаемое, как пар в остывающей бане. Бабушка похлопывала себя по коленям, смотря в окно, за которым медленно проплывали столбы, складываясь в бесконечную решётку, а парень изучающе смотрел на неё — не с любопытством, а с той внимательностью, с какой рассматривают картину, в которой хотят разглядеть скрытый смысл.

Вскоре появилась проводница, нарушив тишину своим ровным шагом и позвякиванием ключей.

— Может, хотите чай? — с улыбкой спросила она, и эта улыбка была другой — не той, что минуту назад, когда она отмахивалась от бабушки, а мягкой, почти виноватой.

«Ну надо же, какая вежливая, — мелькнуло у меня, — а пять минут назад с пренебрежением орала на старушку».

— А сколько стоит чай? — спросила бабушка, и в её вопросе не было ни обиды, ни упрёка — только простое желание понять, вписывается ли эта маленькая радость в её скудный бюджет.

— Пятьдесят рублей стакан, — всё с той же улыбкой отозвалась девушка.

У парня немного округлились глаза от удивления — будто он впервые заметил, как много в мире вещей, которые стоят ровно пятьдесят рублей, и как мало для кого-то это значит. Свесив голову вниз, я посмотрела на бабушку — она качала головой, показывая, что отказывается от чая. В этом отказе было столько тихой гордости, что мне вдруг стало невыносимо жалко этой гордости — как жалко бывает, когда видишь, как кто-то старательно прячет свою нужду за вежливыми отказами.

Ладно, пожалуй, напою чаем попутчиков. Судя по всему, только у меня денег вполне достаточно — и пусть это будет моим первым шагом в новой жизни, маленьким, но настоящим.

— Можно три чая, — отозвалась я, и собственный голос снова прозвучал твёрдо — в нём уже не было дрожи, только спокойная уверенность.

Проводница ушла готовить чай, а я спрыгнула вниз и села рядом с бабушкой. Пружины снова скрипнули, но теперь этот звук был не одиноким, а частью общего уюта.

— Да не стоило, дорого ведь, — с нежной улыбкой произнесла старушка, и в этой улыбке было столько тепла, что оно словно согрело воздух между нами.

— Для меня не очень. Как вас зовут? Я Оля, — я попыталась улыбнуться в ответ, и улыбка вышла не идеальной, но настоящей — такой, какой не было уже давно.

— Мария Ивановна, но можешь звать меня баба Маша, — ответила она, и в этих простых словах прозвучало приглашение к доверию, которое даётся не каждому.

Вскоре вернулась проводница с чаем и поставила на столик три стакана в подстаканниках цвета бронзы — металл тускло поблёскивал, отражая свет лампы, и казался почти старинным, как реликвия из другого времени. Я расплатилась с девушкой, и она удалилась, оставив после себя лёгкий запах ванили и железа — запах поезда, который въедается в память. Баба Маша стала копошиться в своей сумке — пальцы перебирали содержимое с привычной сноровкой, будто она знала каждый уголок этой сумки наизусть, как знают каждую морщинку на любимом лице.

ГЛАВА 4

Евгений.

Странная ситуация: Ольга отдала билет бабушке, хотя не была с ней знакома. В этом жесте было что-то почти отчаянное — будто она швырнула в темноту зажжённую спичку, надеясь, что та разгорится и согреет кого-то. Мария Ивановна стала доставать из сумки разные свёртки, туго перетянутые бечёвкой, и в тесном купе сразу стало уютнее — в воздухе поплыли тёплые, домашние ароматы: запах варёной картошки, смешанный с пряной кислинкой солёных огурцов, сладковатым духом чёрного хлеба и едва уловимой копчёной ноткой сала. Эти запахи были как старые добрые воспоминания, которые сами приходят, стоит только приоткрыть дверь в прошлое.

— Давайте поедим, — говорила старушка, и голос её звучал так по-домашнему, будто она звала к столу не случайных попутчиков, а родных внуков. — Оленька, двигайся ближе. Молодой человек, — обратилась она ко мне, — угощайтесь.

Бабушка разворачивала свёртки один за другим, и перед нами будто выросал маленький праздничный стол посреди грохочущего поезда. Я хотел отказаться — вежливость подсказывала, что не стоит набрасываться на чужую еду, — но голод и эти манящие ароматы не дали мне этого сделать. Запах горячей картошки ударил в нос, и желудок предательски сжался, напоминая, что последний раз я ел ещё до посадки.

— Евгений, — произнёс я, подсаживаясь поближе, и сам удивился, как легко прозвучало моё имя в этом неожиданно тёплом пространстве.

Мы ели, и разговоры лились сами собой — о природе, о погоде, о том, как осень медленно съедает зелень, оставляя после себя рыжие и бурые пятна. Баба Маша рассказывала, как живёт в деревне: про огород, где каждое лето она воюет с сорняками и побеждает, про любимую корову Зорьку, которая каждое утро ждёт её у калитки, будто знает, что Мария Ивановна принесёт ей кусочек сахара. Про внучку, которая поступила учиться, про то, как воспитывает её одна: отец бросил их, как только девочка родилась, а дочка долго болела и умерла — об этом бабушка сказала тихо, почти шёпотом, и в купе на миг стало слышно, как стучит поезд, отбивая ритм по рельсам, словно отсчитывая секунды тишины. Она рассказывала даже про соседей — про сварливую тётю Клаву, про молчаливого дядю Петю, который каждый год сажает картошку в один и тот же день, и про кота Ваську, который считает двор своей территорией. Казалось, я заочно знаком со всей деревней — с её запахами, звуками и маленькими драмами.

Я даже не заметил, как пролетело три часа — время растворилось в рассказах, в запахе еды, в мягком свете лампы, который делал лица чуть добрее, чем они были на самом деле. Всё это время Ольга молчала, изредка поглядывая на нас — её взгляд был спокойным, но в нём читалась какая-то отстранённость, будто она сидела не в купе, а на берегу реки, наблюдая за нами с другого берега. Дорога стала гораздо веселее, неловкость ушла, будто её смыло этим потоком слов и запахов.

Но вдруг дверь резко распахнулась, и в проёме возникла проводница — её силуэт на фоне коридора казался угловатым и резким, как тень от сломанной ветки.

— Там ещё один безбилетник, возьмишь его к себе? — со странной интонацией говорила девушка, обращаясь к Ольге. В её голосе звенела не просьба, а вызов — будто она проверяла, насколько далеко можно зайти.

Оля встала и подошла к окну. Я тоже взглянул: на перроне стоял парень лет двадцати, в потрёпанной куртке и с сумкой через плечо; он был похож на гопника из старых сериалов — дерзкий, угловатый, с тем особенным выражением лица, которое словно кричит: «Я никому ничего не должен».

— Нет, — резко отвернувшись от окна, отрезала Ольга и села на место. Её плечи напряглись, будто она готовилась к удару.

— Что так? Он не пришёлся тебе по душе? — язвительно парировала девушка, и в её улыбке мелькнуло что-то хищное. — Он хочет попасть к любимой девушке, а денег не хватает.

Пожалей парня. — В голосе было столько ехидства и злобы, что воздух в купе будто стал тяжелее.

— Вы, кажется, забываетесь, — ледяным тоном произнесла Ольга, и от её спокойствия веяло холодом, который пробирает до костей. — Я бы попросила вас не переходить на личности и оскорбления. — В этих словах чувствовались нотки злости, сдержанной, но острой, как лезвие. А Оля не так проста, как кажется.

Интересно, что между ними произошло? Может, ещё на вокзале, когда Ольга выкупала билеты, проводница чем-то её задела? Или это просто привычка некоторых людей давить на тех, кто выглядит уязвимым?

— А что я такого сказала? — пожалв плечами, спросила проводница уже более любезно, но эта любезность была фальшивой, как дешёвая позолота: стоит задеть — и тут же проступит грубый металл.

— Мы обе прекрасно понимаем, на что вы намекаете, — спокойно, но всё так же холодно говорила Оля. — И я вам не позволю унижать людей, даже не зная их.

Девушка ушла, не ответив, а в купе вновь повисло неловкое молчание — оно было не пустым, а тяжёлым, наполненным невысказанными словами и старыми обидами.

— Что это было? — не выдержал я.

— Ничего особенного. Просто она хотела задеть нас, — девушка говорила вполне спокойно, будто речь шла о чём-то незначительном, но в её голосе всё равно слышалась натянутая струна. — Вам нечего стыдиться, — Ольга обратилась к бабе Маше. — Это ей должно быть стыдно за свой поступок.

Оля приобняла бабушку, и у той заблестели глаза от слёз — не горьких, а благодарных, тёплых, как капли росы на траве ранним утром.

— Чего я не знаю? — я понимал, что лезу не в своё дело, но мне хотелось понять, почему такая весёлая старушка еле сдерживает слёзы.

— У меня не было денег, — начала Мария Ивановна дрожащим голосом, и каждое слово давалось ей с трудом, будто она вытаскивала их из самой глубины души. — Я предлагала проводнице последние двести рублей, чтоб попасть на поезд, но та ни в какую. Тут подошла Оленька и взяла меня в ваше купе.

— Но как? — удивился я. — Без билета она всё равно бы не пустила, даже если оплатить полную стоимость билета.

— У меня был билет, — отозвалась Ольга. — Три полки в этом купе мои, у меня три билета на руках.

— Зачем тебе три билета? — сказал я раньше, чем понял, что это не моё дело. Слова вырвались сами, как камешек, сорвавшийся с обрыва.

— Хотела ехать одна, но пустых купе не было, и я выкупила только три места.

— Но зачем? — моё непонимание всё больше росло, теряя такт.

— В компании мне не по себе, я отвыкла от людей. Уже достаточно долгое время я общалась только с сестрой. За пять лет это мой первый выход в люди. Поэтому мне и стало плохо на вокзале.

Ольга запрыгнула на верхнюю полку и отвернулась к стене, давая понять, что разговор окончен. Её движения были резкими, но в них чувствовалась усталость — будто каждое действие требовало усилий, как идти против сильного ветра.

Вопросов стало ещё больше, чем ответов. Где она была эти пять лет? Даже не могу представить места, где можно находиться так, чтобы никого не видеть. Может, в психиатрической больнице? Но там вроде много врачей и пациентов. Если, конечно, не буйная — тогда, конечно, одиночная палата и кровать с ремнями. Теперь мне немного страшно и ещё больше хочется знать, где она была. Вдруг я прав и её не выписали, а она сбежала? Зачем я вообще начал задавать вопросы? Теперь не усну.

Бабушка вроде кажется спокойной. Может, она знает, и всё не так уж страшно, как я себе нарисовал. В конце концов, знай они, что я сидел, наверное, тоже стали бы нервничать. Эта мысль кольнула где-то под рёбрами — привычная, старая, но от этого не менее болезненная. Я посмотрел на бабу Машу: она аккуратно складывала пустые свёртки, прятала их обратно в сумку, и её движения были такими размеренными, будто она пыталась вернуть в мир хоть немного порядка. А за окном тянулись бесконечные столбы, сливаясь в одну серую линию, и поезд нёс нас вперёд, туда, где никто не знал ни моего прошлого, ни тайн Ольги, ни горя Марии Ивановны — только стук колёс, запах картошки и тихий свет лампы, который на время делал всё чуть менее страшным.

ГЛАВА 5

Ольга.

Зачем он стал задавать столько вопросов? Зачем я ответила? Я только стала отвлекаться от прошлого, а теперь опять куча мыслей и эмоций, и каждая — как осколок стекла, на который нечаянно наступила в темноте: больно, и не сразу поймёшь, откуда кровь. Расставание с Антоном, потеря ребёнка, приговор, что не смогу иметь больше детей. Эти слова, произнесённые врачом сухо и буднично, как рецепт на таблетку, до сих пор звучали в ушах — не громко, а ровно, неумолимо, как гудение лампы в пустой палате, от которого некуда деться.

Больница. Эти белые стены, от которых рябило в глазах, — белые, казённые, без единой трещины, без единого пятна, словно их специально выкрасили так, чтобы стереть всякую надежду на цвет, на жизнь, на что-то кроме боли. Эта чёртова кровать, с которой не можешь встать, — жёсткая, узкая, с брезентовым матрасом, который пах хлоркой и чужим потом. День за днём я лежала, глядя в потолок, считая трещины на штукатурке, пока они не сложились в карту несуществующей страны, по которой я блуждала в бреду. Молила о смерти, а не о такой жизни. Сгорала от нетерпения, ожидая того дня, когда смогу встать с этой кровати и покинуть эту чёртову больницу. Сестра приходила каждый день — приносила фрукты, которые я не ела, и разговоры, которые я не слышала. Настя садилась на край стула — не на кровать, а именно на стул, будто чувствовала, что моё тело больше не принадлежит мне, — и тихо рассказывала что-то о погоде, о делах, о пустяках, а я лежала и смотрела, как по стеклу ползут капли дождя, и думала, что они живые, что они ползут туда, куда хотят, а я нет.

Как была рада оказаться у Насти дома, спустя полтора года. Настя открыла дверь, и я почувствовала запах жареной картошки и домашнего мыла — запах нормальной жизни, к которой я разучилась принадлежать. Хотя и у Насти я не чувствовала себя счастливой — скорее гостьей в чужом тёплом доме, где всё устроено правильно, но ничего не моего. Даже вернувшись в свою квартиру, я не ощутила счастья. Квартира встретила меня застоявшимся воздухом и тонким слоем пыли на всех поверхностях — будто время прошло сквозь стены и осело на мебели серой плёнкой. Я стояла в дверях и думала: вот он, мой дом, а чувствую себя так, словно зашла в чужой музей, где трогать ничего нельзя.

Как же давно я не чувствовала себя счастливой. Последний раз это было с Антоном. Я была беременна и сказала ему об этом — стоя на кухне, держа тест за спиной, с колотящимся сердцем, как перед экзаменом. Он сначала замер, потом расплылся в улыбке — той самой, от которой у меня всегда подкашивались ноги — и подхватил меня на руки, закружил, а я смеялась и била его по плечу, чтобы поставил, мы оба знали, что я не хочу, чтобы он ставил. Мы смеялись и строили планы на будущее — детскую комнату, коляску, имена. Пока оно не рухнуло, как карточный домик, через пару дней.

Антон отмечал с друзьями своё будущее отцовство. Вернувшись ночью домой, он был не в себе. С нашей первой встречи до того рокового дня он ни разу не пил. Я не знала почему, Антон не рассказывал. Он и трезвый иногда срывался на ровном месте — словно внутри него

жил кто-то тёмный, кто нет-нет да и вырывался наружу, — а в тот день вообще был похож на демона. Глаза злобные, налитые кровью, нес какую-то чушь. Кидался драться. Порвал кофту — ткань треснула с сухим звуком, как будто лопнула струна, и я помню, как смотрела на лоскутки ткани в своих руках и не могла понять, что происходит, будто мир вдруг сменил скорость и всё полетело вкривь и вкось. Я еле вырвалась и убежала — босиком, по холодной лестнице, вниз, в темноту, в ночь, в неизвестность, прижимая руки к животу, к ребёнку, которого уже не могла защитить. С того момента моя жизнь уже не была похожа на прежнюю. Ребёнка я потеряла в ту же ночь, как и себя...

Послышались шаги, открылась и закрылась входная дверь — щелчок замка прозвучал коротко, буднично, вырвав меня из прошлого, как пробку из бутылки. Я повернулась. Бабы Маши не было, а Евгений лежал на нижней полке с закрытыми глазами, но открыл их сразу, как я повернулась. Лицо казалось озабоченным — или, может, не озабоченным, а настороженным, как у человека, который слышал чужой сон и теперь не знает, что с этим делать. Наверное, он считает меня странной, хотя ничего удивительного — со стороны я именно так и выгляжу.

— Хочешь что-то спросить? — заговорила я, и голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

— Почему ты была одна? Ты... ты лежала в больнице? — неуверенно закончил он, и в этом вопросе было столько осторожности, будто он ступал на тонкий лёд и с каждым словом проверял, не хрустнет ли.

— Да. Полтора года. — как он догадался? Неужели это так очевидно? — Потом полгода жила у сестры и три года дома, выходя только в магазин.

— Но теперь тебе лучше? — он выглядит озабоченным.

— Да, намного. Я решила забыть прошлое и начать новую жизнь. — с улыбкой говорила я, пытаюсь показать, что обо мне не стоит беспокоиться, но улыбка вышла кривой, как наклейка на треснувшей чашке. — Даже решила помогать людям, попавшим в сложную ситуацию.

— Это хорошо. — Женя попытался улыбнуться, и его улыбка была похожа на мою — неуверенную, вымученную, но настоящую. — Это правда, хорошо. Я знаю, как тяжело начать всё заново. Иногда слишком тяжело. Прошлое не отпускает, а затягивает обратно.

Вернулась баба Маша, и мы замолчали — оба, как по негласному уговору, будто сказанного было довольно, а может, слишком много. Она легла, поправив подушку с привычной старикинской суетливостью, и вскоре свет переключили на ночной, и в купе стал полумрак — тёплый, желтоватый, от которого лица стали мягче, а тени глубже. Последовав примеру бабушки, я тоже закрыла глаза и спустя время провалилась в сон — без сновидений, чёрный и глубокий, как колодец, на дне которого хотя бы тихо.

С первыми лучами солнца открыла глаза. Свет пробивался сквозь незашторённое окно узкими полосками, ложился на полки, на столик, на лицо спящей бабы Маши — и от этого всё выглядело нарисованным акварелью, размытым и нежным. Попутчики ещё спали, и я как можно бесшумнее вышла в коридор. Прислонившись лбом к стеклу, ощутила блаженную прохладу — стекло было чуть влажным от утренней росы, и эта влага приятно холодила кожу, будто я прижалась к живому, дышащему существу. Даже закрыла глаза от удовольствия. Лето выдалось жарким, а в вагоне и подавно было слишком душно — воздух стоял плотный, тёплый, с примесью пыли и железа, и кондиционеры лишь чуть шевелили его, как опахало в бане.

За окном проплывали деревья и поля — берёзы стояли в утреннем тумане, тонкие и светлые, как нарисованные углем на белой бумаге. Местами росли цветы — полевые, некошечные, они тянулись к солнцу, и от поезда ветер пригибал их к земле, а они снова выпрямлялись, упрямые и живые. Монотонная смена пейзажа и постукивание колёс успокаивали — этот ритм был похож на дыхание, ровное и мерное, и глаза закрывались вновь.

Вскоре дверь за спиной открылась, и в коридор вышла баба Маша — она куталась в кофту, хотя было душно, и от неё пахло тёплой тканью и чем-то неуловимо домашним.

— Доброе утро! — поприветствовала я.

— Доброе! — отозвалась бабушка, улыбаясь. — Ты тоже ранняя пташка?

— Да, вообще-то нет, просто окно не было зашторено.

— А, понимаю, — расплылась в улыбке бабушка, и морщинки вокруг её глаз собрались в лучики, как у солнца на детских рисунках.

Мария Ивановна последовала к туалету, а я вернулась в купе. Евгений сидел за столом и смотрел в окно — сидел неподвижно, с прямой спиной, и взгляд его был устремлён куда-то за стекло, но не на пейзаж, а словно сквозь него, в то место, которое существует только внутри человека.

— Доброе утро! — заговорила я, но когда он повернулся, было видно, что он не выспался, если вообще спал. Под глазами залегли тени, а белки глаз покраснели, будто он всю ночь смотрел на огонь.

— Доброе, — почти безжизненно отозвался парень, и голос его звучал глухо, как из-под воды.

— Тебе не спалось?

— Да. Не привык спать, когда качает. — устало вздохнул парень, но что-то подсказывало мне, что дело не в качке.

Завтракали мы почти в тишине. Баба Маша пыталась несколько раз завести разговор, но Женя не был намерен отвечать, а с меня собеседник вообще никакой — я сидела, макала печенье в чай и слушала, как стучат колёса, и думала, что тишина бывает разная: бывает тяжёлой, как свинец, а бывает лёгкой, как туман. Эта была где-то посередине — не давила, но и не отпускала. Последний час поездки каждый был предоставлен сам себе.

Когда поезд прибыл в Москву, кажется, все испустили облегчение — вагон вздрогнул в последний раз и замер, и этот миг тишины после суток стука показался оглушительным. Евгений быстро покинул вагон и скрылся в неизвестном направлении — его фигура мелькнула в толпе и пропала, как камень, брошенный в реку. Я же, напротив, не спешила, считав своим долгом довести начатое дело до конца. Сопроводила бабу Машу до такси, потратив кучу времени, пытаясь уговорить её принять мою помощь — старушка сопротивлялась, как будто предлагали не деньги, а яду: отмахивалась, качала головой, прижимала руки к груди. Когда она наконец-то сдалась, я усадила её в машину, оплатила дорогу и, написав на листочке свой номер телефона, вложила в него две тысячи, отдала бабушке. Взяв с неё обещание, что если вдруг нужна будет какая-то помощь, она мне позвонит. Баба Маша прижала листочек к груди, как драгоценность, и долго смотрела на меня через стекло, пока машина не тронулась.

Проводив взглядом отъезжающую машину, села в другую, рядом стоящую. Попросила отвезти в какой-нибудь спальный район. Создалось впечатление, что мы едем непомерно долго — конечно, большую часть времени мы простояли в пробках, и пока машина стояла, я смотрела в окно на чужой город: бесконечные ряды машин, блестящих на солнце, как чешуя огромной рыбы, фасады домов, рекламные щиты, люди на тротуарах — все куда-то шли, все были заняты, все были частью чего-то, а я сидела за стеклом и чувствовала себя аквариумной рыбкой, которую пересадили в чужой аквариум. Заплатила я тоже немало. Вышла на остановке и в ларьке купила газету — первая покупка в новом городе, и от этого она казалась почти символической, как первый штрих на чистом холсте.

Что меня потянуло в эту Москву? Надо было выбрать небольшой городок. Куча машин и людей, все куда-то спешат, гудят, толкаются — город жил, дышал, гудел, как огромный улей, и от этого гуда кружилась голова. Как можно приехать утром и потратить весь день на дорогу, поиски квартиры и дорогу до неё. Я бродила по незнакомым улицам, заглядывала в дворы, читала объявления на подъездах, и к вечеру ноги гудели не меньше города, а голова была пустая, как выбитый орех.

Рухнув на кровать, я провалилась в сон — не раздеваясь, не разбирая постель, просто упала лицом в подушку, и подушка была чужая, и одеяло было чужое, и потолок над головой

был чужой, но я так устала, что чужое впервые за долгое время показалось не страшным, а просто другим. И перед тем как темнота забрала меня, я подумала: вот и всё, первый день новой жизни. Какой он был? Станный. Тяжёлый. Шумный. Но — мой.

ГЛАВА 6

Евгений.

Я не рассчитывал, что будет так сложно устроиться здесь. Москва встретила не гостеприимством, а равнодушием — тем особым равнодушием большого города, которое не враждебно, а просто безразлично, как безразлична река, мимо которой проходишь: она течёт себе и течёт, а ты — посторонний. Самая дешёвая гостиница, больше похожая на хостел — узкая комната, в которую помещалась лишь односпальная кровать, тумбочка и небольшой комод, прижатый к стене так тесно, будто сам боялся свалиться. Маленькая душевая, совмещённая с туалетом, — кафель желтоватый, с трещинами у стыков, и от одного вида на неё становилось ещё тоскливее. Зато стоит как четырёхзвёздочный отель. С такими ценами, если я не найду работу, то мне уже завтра будет негде жить. Я ведь приехал сюда с конкретной целью, а должен тратить время на поиски работы. Как же я найду время на поиски, когда каждое утро начинается с вопроса: на что я буду спать сегодня ночью?

Мысли снова унесли меня в воспоминания, и я перестал сопротивляться — махнул рукой, как делают, когда понимают, что течение сильнее.

Вернувшись в Екатеринбург, мы с Сашей сняли квартиру. Недорогую, на окраине, с видом на серый пятиэтажный двор и чахлые тополя, но на первое время сойдёт — так мы оба сказали, и оба не поверили. Мы не хотели доставлять неудобства ни моим, ни её родителям, хотя, может, просто не хотели, чтобы кто-то видел нас такими — побитыми, тихими, с тенью, которая ложилась на всё, к чему мы прикасались. Я хотел вернуться к делам, но Александра рассказала, что моей фирмы больше нет, так же как и квартиры. Она не справлялась с делами — пока я сидел, фирма медленно истекала кровью, как раненый зверь, которого некому было перевязать. Саша продала фирму и квартиру, чтобы сохранить хоть какие-то деньги. Так как город ей напоминал о случившемся — каждая улица, каждый поворот дышал тем ночным асфальтом и мигалкой скорой, — она переехала в Москву. Говорила, что мы можем уехать вместе, потом изменила мнение и решила остаться в родном городе. Нормальную работу было найти трудно, и я перебивался подработками — грузил, возил, носил, — и каждый вечер возвращался в квартиру с таким чувством, будто день прошёл сквозь меня, а не вместе со мной. И вот в один прекрасный день, вернувшись домой, обнаружил пустую квартиру и записку, лежащую на кухонном столе — аккуратный листок, вырванный из блокнота, с загнутым уголком, будто она долго держала его в руках, прежде чем положить.

«Прости, но я уезжаю обратно. Не ищи меня.»

Вот и всё. Мой мир рухнул в одночасье. Одна строчка. Всего одна строчка! Как она могла? Я не мог поверить — это просто злой розыгрыш, сейчас она выйдет из ванной и рассмеётся. Но ванная была пуста, и шкаф был пуст, и её туфель у двери не было. Столько обещаний. Столько надежд — и всё исчезло, растворилось в одной короткой фразе, как соль в воде. Я один в пустой квартире, где ещё пахло её духами — сладковато, с нотой бергамота, — и от этого запаха мне захотелось выть. У меня нет ничего, а теперь нет и её. Мне тридцать лет, полжизни уже почти прошло. Потеряно столько времени, и всё впустую. Нет крыши над головой, нет работы, нет семьи, детей. Нет, ровным счётом ничего. НИ-ЧЕ-ГО. Как жить дальше? А главное — как жить дальше без неё? Я люблю её. Люблю сильно и не могу представить жизни без неё — и именно поэтому не могу её представить, потому что во всяком воображаемом будущем она есть, как есть воздух, как есть утро.

Пошёл к другу, чтобы хоть как-то развеяться, но развеялся только вечер — остался я при себе, при своей пустоте. Неделью я пытался жить дальше, но не бросал попыток с ней связаться — писал, звонил, стирал сообщения и писал заново, как человек, который чиркает спичкой, а она не загорается, но он чиркает снова, потому что alternatives не осталось. Начал встречаться с Екатериной. Мы знали друг друга с детства, но всегда были лишь друзьями — и сейчас между нами стояла тень Саши, незримая, но ощутимая, как сквозняк. Я и сейчас не испытываю к Кате того, чего бы она хотела, — вижу это по её глазам, по тому, как она улыбается мне, а потом отворачивается к окну, и в стекле отражается её лицо, и лицо это спрашивает: а когда-нибудь? Просто пытаюсь жить дальше, но не особо получается. Как бы я ни старался, меня тянет к Саше — тянет, как магнитом, как током, как той ночью, когда я лежал на жёсткой койке и думал только о том, что я здесь, а она там, и что между нами — не расстояние, а стена, которую я сам построил. Я постоянно хочу её увидеть или хотя бы услышать. Вскоре мне удалось связаться с ней в социальных сетях — экран телефона светился в темноте, и я смотрел на её фотографию, на глаза, которые когда-то смотрели только на меня, и пальцы не слушались, когда я набирал слова. Я просил её о встрече, говорил о любви, но в ответ приходили одни лишь отговорки — короткие, вежливые, как щелчки замка: закрыто, не стучи.

Запутавшись окончательно в своих чувствах и мыслях, я понял: надо что-то менять. Катя хорошая девушка, и я не хочу её обидеть — она ни в чём не виновата, она просто оказалась рядом, а я воспользовался этим, как пользуются зонтом, который нашёл на остановке. Но я люблю Сашу и не хочу разрываться между сердцем и разумом — это разрывание ощущалось физически, как будто меня тянут в разные стороны двое, и каждый хватает крепче, и ткань трещит. Принял решение уехать и попытаться найти её. Я так запутался. Запутался в мыслях и чувствах, запутался в себе. Я потерял себя, потерял, как только она ушла, — как теряют ключи в собственной квартире: знаешь, что где-то здесь, а найти не можешь.

И вот я здесь. Но совсем не знаю, с чего начать, где искать. Как вообще отыскать человека в таком большом городе? Москва казалась огромным, безразличным организмом, который поглощает людей, не оставляя следа, — как океан поглощает каплю. Надо для начала найти работу, чтобы были деньги на существование, в этом городе с бешеным ритмом, где каждый второй бежит, а каждый первый уже бежит и оглядывается. Встав с кровати, я собрал свою сумку, закинул на плечо и пошёл к стойке администрации, сдал ключ. Прекрасно понимая, что если не достану деньги, то мне некуда будет возвращаться, — и от этого понимания в животе стало холодно и пусто, как в незаправленном холодильнике.

Целый день я скитался по окрестным рынкам и магазинам — ноги гудели, в горле першило от пыли и выхлопа, а день катился мимо, как поезд без остановок. В некоторых местах мне даже удалось подзаработать — разгружал коробки, таскал мешки, — но этого было недостаточно. Я дико устал и проголодался, а заработал жалкие копейки, которые звенели в кармане с издёвкой, будто монеты знали, как мало они значат. Немного заблудившись, пытался вспомнить, куда идти — улицы петляли, дома казались одинаковыми, и я бродил по ним, как по лабиринту без нити Ариадны. На улице стало прохладнее, небо заволочло тучами — низкими, свинцовыми, нависшими над городом, как крышка, которую медленно опускают. Только дождя мне сейчас и не хватало. Только я подумал — как хлынул дождь. Большими каплями, и через минуту превратился в ливень, который обрушился на город, как из ведра, и асфальт заблестел, и люди кинулись врассыпную, и я побежал к ближайшему убежищу. В десяти метрах, в доме располагался магазин с козырьком — узким, едва прикрывающим, но лучше, чем ничего. Забегая под навес, столкнулся с девушкой — она подбегала с противоположной стороны, и мы чуть не сшиблись, как два бильярдных шара.

Какая встреча! Я ломаю голову, как найти Сашу, а с Ольгой сталкиваюсь третий раз за пару дней — будто кто-то невидимый подсовывает мне её снова и снова, как страницу из книги, которую я никак не прочту.

— Прости, я не заметил тебя, — начал я извиняться, как истинный джентльмен, хотя выглядел, наверное, как мокрый пёс — капли стекали с волос на лицо, рубашка прилипла к спине.

— Ничего страшного, я тоже не особо смотрела, куда бегу, — вежливая улыбка украсила её лицо, и от этой улыбки мне вдруг стало легче — не потому что стало теплее, а потому что в этом равнодушном городе хоть кто-то улыбнулся.

— Как устроилась? — старался я быть вежливым.

— Нормально, а ты? — она даже улыбалась, впервые за столько времени. Словно и впрямь рада меня видеть, может, и её этот город уже достал. Улыбка была восхитительной — не широкой, не показной, а тихой, как первая звезда, которую замечаешь вечером, — жаль, что она не делает это чаще.

— В общем и целом не так уж плохо, здесь бешеные цены и деньги почти кончились. Работу найти не удалось, только несколько подработок, но на жильё не хватает, а из-за дождя и на улице не остаться. — интересно, зачем я ей всё выпалил? Жаловаться я не привык, а тут выложил всё как на духу, будто она — священник в исповедальне, а я — прихожанин, которого допрашивать не надо. Хотя какая разница, всё равно мы почти не знакомы и вряд ли встретимся снова.

— Если всё настолько плохо, можешь остановиться у меня на какое-то время. Ты, наверное, ещё и голоден, я страшно проголодалась, может, поедим где-нибудь? — предложила девушка, и в её голосе не было ни жалости, ни снисхождения — только простое, ровное предложение, как будто так и надо.

— Ну, я даже не знаю. Как-то неудобно тебя стеснять. — ага, добренькая, я в поезде уснуть боялся, а тут вообще один на один. Внутри что-то напряглось — привычное, старое, как пружина, которая не разжимается до конца.

— Судя по тому, что ты долго не соглашаешься, у тебя не всё так плохо. — Оля дразнила меня игривой улыбкой, и в этой игре была лёгкость, которой мне так не хватало.

— Ладно, пойдём, поедим, а там посмотрим, — сдался я. — Может, ты передумаешь брать меня на постой.

Дождь стих, и мы быстрым шагом добрались до ближайшего кафе, лавируя между луж, которые отражали фонари и окна, как разбитые зеркала. Кафе оказалось суши-баром. Внутри было тепло и светло, даже слишком светло — свет ламп бил в глаза после серого дождя, и пришлось зажмуриться на секунду, будто я нырнул из тени на солнце. Стены задекорированы под серый кирпич — неуютный, индустриальный, но здесь он казался уместным, как рама для картины. Небольшие столики из тёмного дерева с кожаными диванчиками в тон — кожа была тёмно-коричневая, потёртая на углах, и от этого казалась живой, как вещь, которую долго трогали руками. Повсюду вазочки с какой-то травой, вроде искусственной, — она стояла ровно и неподвижно, и от неё веяло той фальшивой гармонией, которая бывает только в местах, где настоящую жизнь заменяют декорацией. На одной из стен висит огромный веер — раскидистый, с рисунком цветущей сакуры, и казалось, что если его пошевелить, поднимется ветер, которого здесь никогда не было. Весь интерьер выдержан в японском стиле, и в этом была своя странная логика: мы — два чужих человека в чужом городе, и вокруг — чужая культура, чужой язык на меню, и от этого всё казалось ещё более нереальным, как сон, в котором ты знаешь, что спишь, но проснуться не можешь. Я следовал за Ольгой, разглядывая помещение, она выбрала самый дальний столик — у стены, в тени, как человек, который не любит, когда на него смотрят.

Сделав заказ, она начала разговор.

— Зачем ты здесь? В Москве. — быстро добавила Оля, будто боялась, что вопрос прозвучит слишком личным.

— Приехал искать жену, — честно ответил я, заметив удивление, которое быстро сменилось пониманием, и решил уточнить. — Свою жену.

Вопросов больше не последовало. Она просто пристально меня изучала — ну, по крайней мере, мне так казалось. Она смотрела мне в глаза долго и безмолвно, и от этого взгляда стало не по себе — не страшно, а неуютно, будто она видит что-то, чего я сам в себе не вижу.

— Можно спросить? — я решил прояснить момент с больницей, прежде чем согласиться на её предложение. Ольга кивнула. — Что произошло? Почему ты попала в больницу?

Она изменилась в лице, перестала улыбаться — лицо стало безжизненной маской, гладкой и белой, как будто кто-то провёл ластиком по живому рисунку.

— Из-за травмы позвоночника, — всё же ответила Ольга, и каждое слово давалось ей с видимым усилием, будто она вытаскивала их откуда-то из глубины, где они хранились под замком.

— Как это? Не понимаю, — перебирал все возможные варианты в голове, пытаюсь сложить цельную картинку, но кусочки не сходились, как пазл, в котором не хватает половины деталей.

— Была авария, и у меня был повреждён позвоночник. Полтора года мне делали операции, процедуры. Я училась заново ходить, не хотела никого видеть. Только сейчас решила вновь начать общаться с людьми, — всё же пояснила, и в её голосе не было ни жалости к себе, ни драмы — только сухие факты, как отчёт, из которого вычеркнули все чувства.

Я слушал и молча кивал. Боже, какой я был дурак! На придумал себе такого — психушка, побег, кровать с ремнями. А она просто... не могла ходить. Полтора года — лежать и учиться заново делать то, что все делают без усилий, как дышать. И не хотела никого видеть. Ещё бы.

— Зачем ты хочешь её вернуть? — вдруг неожиданно сменила она тему, вновь сверля меня взглядом, и в этом взгляде не было ни любопытства, ни сочувствия — только пронзительная ясность, как будто она задала вопрос, на который давно знала ответ.

— Я её люблю, — изумился я, и голос прозвучал почти обиженно, как у ребёнка, у которого оспаривают очевидное.

— Нет. Ты её не любишь, — голос был настолько утвердителен, что я готов был поверить. И от этого стало страшно — не потому что она права, а потому что, может быть, она права.

Тут принесли суши, и мы стали молча есть. Ольга больше ничего не спрашивала, а я никак не мог выкинуть из головы её последние слова — они сидели внутри, как заноза, которую не видно, но чувствуешь при каждом движении. С чего вдруг она так решила? Я люблю Сашу, иначе зачем мне ехать за ней в такую даль. Но слова Ольги не уходили — они гудели тихо, на самом дне, как мотор, который не заглушить.

Поужинав, я всё же согласился остановиться у неё. Минут через пятнадцать мы зашли в квартиру — подъезд был обычный, серый, с запахом побелки и чужого ужина, и от этого запаха стало почти спокойно: значит, люди здесь живут, значит, это не отель, а чей-то дом. По странному стечению обстоятельств мы даже остановились в одном районе — почему нас судьба сводит снова и снова? Словно кто-то раскладывает карты и каждый раз вытаскивает одну и ту же.

Квартирка была небольшой. Две комнаты и кухня. Обычный набор мебели — но всё чистое, аккуратное, и пахло свежо, не застоем, а чем-то новым, как будто в квартиру только что зашли жить. В зале стоял диван — мягкий, тёмно-серый, с подушками, которые были сложены так, будто их никто не мял, — пара кресел с журнальным столиком, стенка, современная, на ней телевизор, экран которого был тёмным и безмолвным, как закрытое окно. В спальне двуспальная кровать, шкаф и небольшой комод. Кухня и ванная комната, как у всех, — но на подоконнике стоял цветок, маленький, вытянувшийся к свету, и от него веяло такой тихой надеждой, что я невольно задержал на нём взгляд.

— Будешь спать в зале, — Ольга дала мне подушку, одеяло и постельное бельё, и руки её при этом были деловиты и спокойны, будто она раздавала постельное бельё попутчикам каждый день.

— Чем ты занимаешься? Откуда столько денег? — мне было непонятно, как девушка, просидевшая в одиночестве столько лет, может позволить себе выкупить почти все купе и снять квартиру.

— У моей сестры свой бизнес, и она помогает мне, пока я пытаюсь начать всё заново.

— Хорошая у тебя сестра.

— Да, — сухо ответила Ольга. Иногда она ведёт себя нормально, но иногда начинает замыкаться в себе — как раковина, которая захлопывается от прикосновения, и не понимаешь, что именно её спровоцировало: слово, интонацию или просто воспоминание, которое пришло некстати.

— Может, познакомимся поближе? Не хочешь поделиться своей жизненной ситуацией? Не могу поверить, что авария так изменила твою жизнь.

— Моя жизненная ситуация похожа на стихотворение одного писателя, Александра Блока, — и она стала рассказывать стихотворение. —

Пусть светит месяц - ночь темна.

Пусть жизнь приносит людям счастье, -

В моей душе любви весна

Не сменит бурного ненастья.

Ночь распростёрлась надо мной

И отвечает мёртвым взглядом

На тусклый взор души больной,

Облитой острым, сладким ядом.

И тщетно, страсти затая,

В холодной мгле передрагсветной

Среди толпы блуждаю я

С одной лишь душою заветной:

Пусть светит месяц - ночь темна.

Пусть жизнь приносит людям счастье, -

В моей душе любви весна

НЕ СМЕНИТ БУРНОГО НЕНАСТЬЯ.

— Красивый стих, только грустный, а если серьёзно... — я ждал ответа, пару минут, и тишина в комнате стала почти осязаемой — она висела между нами, как тонкая пелена тумана,

сквозь которую слова пробивались с трудом. Видно было, что Ольга колеблется, будто стоит на краю обрыва и не может решить: сделать шаг вперёд или отступить. Её пальцы теребили край пледа — крошечные, почти незаметные движения, но в них чувствовалось напряжение, как в натянутой струне, готовой вот-вот лопнуть.

— Хорошо, но потом ты расскажешь свою, — наконец выдохнула она, словно сдалась под тяжестью собственных мыслей.

Я согласно кивнул, и этот простой жест вдруг показался мне невероятно важным — будто я принимал на себя часть её боли, обещая, что не отвернусь.

— Я встретила парня и полюбила его. Я была самой счастливой на свете. Мы собирались пожениться, я была беременна, — она пересказывала факты жизни вкратце, рублеными фразами, будто боялась, что если скажет чуть больше, то захлебнётся словами. Было видно, что слова даются с большим трудом — каждое из них она словно вытаскивала из себя, как вытаскивают занозу: медленно, осторожно, но неизбежно больно.

— Однажды он вернулся домой пьяный, это был словно другой человек, — её голос дрогнул, но она тут же сжала губы, не давая слабости вырваться наружу. — За год нашей совместной жизни я видела его пьяным первый и последний раз. Он безумно орал, кидался драться, порвал кофту, пытаясь меня удержать. Я вырвалась и убежала.

В комнате будто стало холоднее — не от температуры, а от того, как эти слова меняли воздух, делали его колючим и тяжёлым. Я представил эту сцену: тёмная прихожая, дрожащий свет лампы, скомканная ткань на полу — и от этой картины внутри всё сжалось.

— Потом попала в аварию, потеряла ребёнка. Врачи вынесли приговор, что детей у меня больше не будет. Ещё и травма... Я была выбита из колеи, — закончила она тихо, почти шёпотом, будто боялась, что эти слова, произнесённые вслух, станут реальностью окончательно, если их не спрятать в тишину.

— А что твой парень? — спросил я, хотя уже ясно было, что они расстались. Вопрос был не про факт, а про то, как это случилось — про ту грань, за которой любовь превращается в предательство.

— Антон пришёл через неделю в больницу и сказал, что не может тратить жизнь на калеку, и больше я его не видела, — ответила она отрешённо, и в этом спокойствии было что-то страшнее крика — будто боль уже не жгла, а заledenела, превратившись в тяжёлую, неподвижную глыбу внутри.

— Как он мог бросить тебя в таком состоянии? — внутри у меня всё кипело, и это чувство было таким острым, что я не смог усидеть на месте — вскочил с дивана, и пружины скрипнули под моим резким движением, как будто и мебель возмутилась несправедливостью. Кем же надо быть, чтоб так поступить?

— Значит, мог, — её голос был спокоен, но в этом спокойствии слышалась усталость человека, который слишком долго носил тяжёлый груз и наконец перестал чувствовать его вес. — Теперь твоя очередь.

Я замер на секунду, глядя на неё — на тонкую линию её плеч, на руки, сложенные на коленях, на взгляд, устремлённый куда-то мимо меня, в ту точку, где прошлое ещё можно было изменить. И понял, что не имею права прятаться за недоговорённостями.

— Моя ситуация чем-то похожа на твою. Я любил и люблю свою жену, — я решил опустить некоторые подробности, но не из трусости, а потому что некоторые вещи слишком тяжелы, чтобы вываливать их на человека, который только начал учиться дышать свободно. — Она кое-что сделала, и я взял вину на себя. Пять лет провёл в тюрьме. Саша приезжала и даже встретила после освобождения. Приехав домой, я узнал, что квартиру и мой бизнес она продала. А спустя неделю уехала в Москву, оставив записку: «Прости и не ищи». Вот и всё. Я пытался жить дальше, начал встречаться с девушкой, но не мог забыть Александру и приехал, чтоб найти её и выяснить всё до конца.

Слова падали в комнату, тяжёлые и неуклюжие, и я вдруг остро почувствовал, как мало они передают — как капля воды не передаёт глубины океана. Но Ольга слушала, не перебивая, не отводя взгляда, и в её глазах не было ни осуждения, ни жалости — только тихое понимание человека, который сам прошёл через такую же пустоту и знает, как она выглядит изнутри.

За окном город продолжал жить своей жизнью: где-то сигналила машина, вдалеке прогрохотал поезд, в соседней квартире кто-то смеялся — обычный вечерний шум большого города, равнодушного к чужим бедам. Но здесь, в этой маленькой комнате, время будто замедлилось, позволяя нам обоим выговориться, сбросить хоть немного тяжести, которую мы так долго несли в одиночку.

Ольга медленно кивнула, будто принимая не только мою историю, но и право на неё — право страдать, ошибаться, надеяться.

— Спасибо, что рассказал, — сказала она тихо, и в этих простых словах было столько тепла, что оно на мгновение растопило лёд, сковывавший грудь. — Теперь я понимаю, почему ты здесь.

И впервые за долгое время я почувствовал, что меня действительно услышали — не просто услышали слова, а почувствовали то, что стояло за ними. И это было почти как дом.

ГЛАВА 7

Ольга.

— Так зачем ты её ищешь? — требовательно спросила я, и собственный голос показался мне чужим — жёстким, прямым, как линия, проведённая без линейки. — Ты же начал новую жизнь.

— Я же говорил, люблю, — стоял на своём Женя, и в его голосе было столько упрямства, что оно почти осязаемо — густое, плотное, как воздух перед грозой.

— Я тоже говорила. Ты её не любишь, — парировала я, и каждое слово падало между нами, как камень в воду, расходясь кругами по тишине комнаты.

— С чего ты взяла? Что я не люблю Сашу, — он был возмущён моим высказыванием, и возмущение это было таким живым, таким настоящим, что на миг я усомнилась — может, я ошибаюсь? Но нет. Я видела то, что видела, и сомнение растаяло, как туман на солнце.

— Я вижу, — я говорила как можно спокойнее, хотя внутри что-то дрожало — не от злости, а от странного чувства, будто я стою на краю чего-то важного и мне нужно сделать последний шаг.

— Что ты видишь? — голос стал язвительным, и в этой язвительности проступила обида — он смотрел на меня так, как смотрят на человека, который трогает рану, но не для того, чтобы вылечить, а чтобы посмотреть, как глубоко.

— Это не любовь. Она была тебе симпатична. Был интерес и влечение. Со временем ты привык к ней. Твоя симпатия переросла в привязанность, но это не любовь, — я отрицательно качала головой, и с каждым словом воздух в комнате становился тяжелее, будто слова имели вес, и этот вес ложился на нас обоих. — Любовь — это когда жить не можешь без человека. Тебе никто не нужен, кроме любимого. А ты, насколько я поняла, уже встречался с другой. Тебя тянет к жене в силу привычки, со временем это пройдёт.

Евгений долго молчал, и молчание это было не пустым, а полным — в нём жили мысли, которые он не произносил, и чувства, которые не умещались в слова. Он сидел на диване, уставившись в одну точку, и лицо его медленно менялось — возмущение уходило, уступая место чему-то другому: не согласию, нет, но растерянности — той растерянности, что приходит, когда вдруг видишь привычное под непривычным углом и уже не можешь не видеть. Так и не дождавшись ответа, я заговорила.

— Уже поздно, давай ложиться спать, — подвела итог нашему разговору, и голос мой прозвучал тихо, почти мягко — будто я устала быть правой.

Зайдя в спальню и закрыв дверь, прислонилась к ней спиной. Дерево было прохладным сквозь тонкую ткань футболки, и эта прохлада приятно остужала разгорячённую кожу. За стеной было тихо — Женя не двигался, и я представила, как он сидит там, на диване, и мои слова крутятся в его голове, как монета, которую подбрасывают снова и снова, пытаюсь угадать: орёл или решка. Правда или нет.

Как много я вижу о его жизни. Не общаясь с людьми, я уже стала забывать, как это — смотреть на человека и видеть отрывки его будущего. Это знание приходило не картинками, не словами — оно возникало где-то на грани зрения, как тень, которую улавливаешь краем глаза, но не можешь рассмотреть прямо. Вспышки, мимолётные и яркие, как молнии за горизонтом: вот Женя смеётся, и рядом с ним женщина — не Саша, другая, — вот он держит на руках ребёнка, и лицо его освещено тем светом, который не зависит от ламп. Какое это прекрасное чувство — видеть счастье другого человека. Чужое, но такое настоящее, что на мгновение оно становится твоим, как запах чужого хлеба, который чувствуешь на лестнице и на миг кажется, что ты дома. Иногда я жалею, что не могу видеть своего будущего — оно лежало передо мной темнотой, непроницаемой, как ночь без звёзд. Но увидев, как Женя счастлив — на секунду, на крошечную секунду — это счастье передалось мне, как тепло от руки, которой касаешься в темноте.

Я легла на кровать и уставилась в потолок. Лунный свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, ложился на потолок неровными полосами, и в этом свете тени от ветвей за окном шевелились, как живые существа, — тянулись, изгибались, дрожали. Может, он всё делает правильно? Евгений хочет найти жену и разобраться во всём. Поговорит с ней и будет жить дальше — не будет думать о том, что было бы, найди он её. Будет двигаться вперёд и не оглядываться назад. Наверное, так и надо поступать. Чтобы двигаться вперёд, надо поставить точку в прошлом — как ставят точку в конце предложения, не потому что нечего больше сказать, а потому что иначе всё сольётся в один бесконечный поток, в котором утонешь.

Я помогу ему найти Сашу, а потом вернусь и найду Антона. Хочу выяснить всё до конца и двигаться дальше. Может, не зря я осталась жива? Может, мой долг — помочь Евгению. Может, у меня тоже есть шанс на будущее. Пусть не такое счастливое, как у Жени, но всё же есть — как есть росток в трещине асфальта: маленький, упрямый, никем не замеченный, но живой.

Осталось только собрать осколки своего разбитого сердца и попытаться склеить. Осколки лежали где-то внутри — острые, неровные, и каждый резал по-своему, и собрать их казалось таким же невозможным, как собрать разлетевшееся зеркало: даже если склеишь, отражение будет дробным, искажённым, не тем, что было. Вдруг Евгений поможет мне. Я помогу ему обрести себя нового, а он поможет мне поверить в жизнь — в то, что жизнь — это не только боль, не только белые стены и запах хлорки, не только потолок, на котором считаешь трещины. Как хочется верить, что, помогая Жене, я помогу себе. Хочу верить, что сердце перестанет болеть и заживёт — как заживает порез: сначала саднит, потом ноет, потом затягивается тонкой кожей, и ты уже не помнишь, где именно было. Хочется верить, что смогу снова полюбить — не так, как с Антоном, обжигаяще и слепо, как бросаются в огонь, а по-другому: осторожно, бережно, как берут в руки что-то хрупкое и дорогое. Хочется верить, что не всегда будет так больно. Хочется верить, что смогу дышать полной грудью — не тем сдавленным, половинчатым дыханием, к которому привыкла, а полным, глубоким, тем, от которого кружится голова и хочется закрыть глаза от избытка воздуха. Хочется верить. Как хочется верить.

Говорят, что когда кончается любовь, остаётся вера. Когда кончается вера, остаётся надежда. И только когда умирает надежда, умирает и человек. Любовь Антона умерла — она не разбилась, не сгорела, а просто умерла, тихо, как гаснет лампа, в которой кончилось масло.

И у меня была вера, что ещё не всё потеряно. Я верила в его возвращение. Верила каждый день — верила так, как верят в утро после самой длинной ночи: не потому что есть доказательства, а потому что без этой веры не встать с постели. Думала, вот-вот он вернётся. Первое время даже не закрывала дверь — щёлкнула замком, оставила открытой, и каждый сквозняк, каждый шорох в подъезде заставляли меня вскакивать и смотреть в прихожую. Глупо, конечно, но мне казалось это правильным — как будто открытая дверь может удержать человека, как будто любовь — это замок, который не запирают. Теперь же, встретив Евгения и наблюдая за тем, как он борется за то, что считает правильным, у меня появилась надежда. Не вера — вера износилась, истончилась, как старая ткань, которую слишком долго терли, — а надежда: новая, робкая, дрожащая, как первый лист на весенней ветке, которая ещё не уверена, что мороз не вернётся.

Я буду лелеять эту надежду и не дам ей умереть. Не дам умереть ни ей, ни себе. Вернуть Антона теперь будет моей целью — и эта цель lay передо мной, как дорога, уходящая в темноту: я не вижу, куда она ведёт, но вижу, что она есть, и этого достаточно, чтобы встать и идти.

ГЛАВА 8

Евгений.

Проснулся я поздно — на часах было половина одиннадцатого. Солнце уже вовсю хозяйничало в квартире, заливая комнату золотистым светом, который ложился на стены тёплыми пятнами, будто кто-то разлил мёд. Я поплелся на кухню, оттуда доносился прекрасный аромат кофе и ванили — такой густой, обволакивающий, что казалось, будто он сам тянет меня вперёд, как невидимая нить.

Остановившись в дверях, я несколько раз протёр глаза. Может, я ещё сплю? Ольга порхала по кухне, улыбаясь и напевая себе что-то под нос. Её движения были лёгкими, почти воздушными, будто она не касалась пола, а скользила над ним. С чего вдруг она такая весёлая? В её улыбке было что-то заразительное — она словно включала в комнате невидимый свет, и всё вокруг становилось ярче.

Открыв духовку, она извлекла противень с золотистыми булочками — их корочка хрустела даже на вид, а края подрумянились ровно настолько, чтобы казаться идеальными. Поднеся противень поближе к лицу, Ольга вдохнула сладкий аромат ванили, прикрыв на секунду глаза, и на её лице отразилось такое чистое удовольствие, будто это был не запах выпечки, а воспоминание о самом счастливом дне её жизни.

На столе стоял кофейник — старый, с чуть облупившейся эмалью, но от этого только более уютный — и две кружки, расписанные синими цветами. Посмотрев на меня, она с улыбкой заговорила:

— Присаживайся, будем завтракать. — Оля почти танцевала, нет, ну точно сон.

— Кто тебя обсыпал порошком счастья? — пошутил я, но в шутке сквозило искреннее удивление.

— Я сама, — произнесла она с лучезарной улыбкой, и в этой фразе было столько внутренней силы, что я невольно выпрямился, будто рядом со мной вдруг оказался человек, знающий какой-то важный секрет. — Я поняла, что мне надо делать.

Налив кофе, Ольга пододвинула мне кружку. Пар поднимался тонкими завитками, и я поймал себя на мысли, что впервые за долгое время чувствую себя не потерянным, а просто... обычным человеком, которому предлагают выпить кофе. Я кивнул и принялся пить, ощущая, как тепло разливается по груди, прогоняя утреннюю скованность.

— Я помогу тебе найти Сашу! — воодушевлённо добавила она, и я поперхнулся, горячий напиток обжёг горло, а удивление ударило по нервам, как разряд тока.

— Что? — выдавил я, пытаюсь откашляться. — С чего вдруг?

— Хочу помочь тебе, — её радостный настрой сбивал с толку, но в нём не было ни капли фальши — он был таким же настоящим, как запах свежей выпечки и пар над кружкой.

— Что-то я раньше не замечал такой любезности от тебя в свой адрес, — высказался осторожно, присматриваясь к ней, словно видел её заново.

— Я пытаюсь свыкнуться с обществом. У меня плохо получается, но я стараюсь, — призналась она, и в её голосе прозвучала та редкая искренность, которая бывает только у людей, долго живших в одиночестве и теперь осторожно пробующих мир на вкус.

— Ага, особенно сегодня, — процедил с улыбкой. — Такое впечатление, что тебя подменили. Что-то произошло?

— Ничего особенного. Вечером я много думала и решила тебе помочь, а потом последую твоему примеру и найду Антона, — сказала она просто, будто речь шла не о судьбоносных решениях, а о том, какой хлеб купить к обеду.

— Ого! — я действительно удивился. — Ты же говорила, что мне не надо искать Сашу.

— Я и сейчас так думаю, просто поняла, что ты не сможешь двигаться дальше, пока не найдёшь её, — вдруг Оля стала серьёзной, и её взгляд снова стал тем самым — пронзительным, будто она видела не моё лицо, а то, что пряталось за ним. — Но ведь ты будешь двигаться дальше? Чем бы ни закончилась ваша встреча.

Почему мне снова кажется, что она знает больше, чем говорит? Что это значит? Ольга намекает, что Александра ко мне не вернётся. Но она же не может знать этого наверняка? Или может?

— Что ты этим хочешь сказать? — теперь я сверлил её взглядом, пытаюсь прочесть хоть тень ответа в её глазах.

— Хочу быть уверена, что ты будешь двигаться дальше, ког... — она осеклась, и эта заминка повисла в воздухе, как недоговорённая нота. — Если она не вернётся к тебе.

Я задумался. Что значила её заминка? В голове мелькали обрывки мыслей, но ни одна не складывалась в цельную картину.

— Я не думал об этом. Сначала надо её найти, — ответил я, и в этих словах была не столько уверенность, сколько попытка ухватиться за единственное, что ещё казалось понятным.

— Если даже раньше не думал, то теперь я вижу по твоим глазам ответ на свой вопрос, — тихо сказала она. — И могу ответить на твой. Я помогу тебе дойти до конца. Буду рядом, что бы ни случилось. Благодаря сестре, я сейчас стою здесь, перед тобой. Тебе тоже нужен близкий человек рядом. Мы, конечно, мало знакомы, но я постараюсь стать для тебя хорошим другом.

Не знаю почему, но я Ольге поверил. Поверил в её искренность. В тот момент её глаза казались честными — в них не было ни жалости, ни снисхождения, ни желания что-то доказать. В них была вера в сказанное — та самая редкая вера, которая не нуждается в доказательствах. Такого взгляда я ещё ни у кого не видел, даже у самых близких людей.

— Ну и с чего начнём? — заговорил я, потирая ладони, и этот простой жест вдруг придал уверенности — будто я не просто сидел за столом, а готовился к чему-то важному.

— А с чего ты собирался начать? — логично осведомилась она, и в её вопросе не было насмешки — только спокойная рассудительность человека, который привык раскладывать хаос на понятные части.

— Думал ездить по городу... — начал я, но она оборвала меня на полуслове.

— Так искать можно всю жизнь, ты хоть представляешь, насколько это большой город? — лёгкая улыбка тронула её губы, но в ней не было насмешки, а только мягкая ирония над наивностью моего плана. — Ты хоть что-то о ней знаешь? Где она может жить или работать? Куда ходила? Чем любила заниматься?

— Нет, — с досадой констатировал я, и это «нет» прозвучало как признание собственной слепоты. — Она не говорила, как я ни просил. Последние дни вообще не отвечает. — Мой

запал пропал, как только я осознал масштаб происходящего — Москва вдруг показалась не просто большим городом, а бескрайним океаном, в котором я пытался найти одну каплю.

— Хорошо, — спокойно сказала Ольга, будто моё признание не расстроило её, а лишь дало новую точку опоры. — Кем она работала раньше? Какие у неё были привычки? Куда ходила? Чем любила заниматься? — засыпала она меня вопросами, и каждый из них был как маленький фонарик, освещающий тёмные углы моей памяти.

— Работала менеджером в ресторане. Ходить особо никуда не ходила. Занималась только домом, — перечислял я всё, что знал, и с каждым словом приходило осознание, что я слишком мало знаю об Александре — будто мы жили рядом, но в разных измерениях, и я видел только её тень.

— Когда она что-то сделала, куда она направлялась? — уточнила Ольга, и в её вопросе прозвучала такая точность, что я на секунду замер.

— Как ты... Хотя какая разница, — выдохнул я. — Ей позвонила мать.

Ольга задумалась, и в этой тишине было слышно, как тикают часы в коридоре — ровно, настойчиво, будто отсчитывали секунды до чего-то важного. Потом она кивнула, будто пришла к какому-то внутреннему решению.

— В общем, из всевозможных вариантов мы имеем только рестораны. Можно составить список всех заведений, в которых есть менеджер, и планомерно их объезжать, — предложила Оля, и в её словах прозвучала не просто идея, а чёткий план, в котором хаос превращался в порядок.

— И сколько мы их будем объезжать? — теперь и я понимал всю бессмысленность своей изначальной затеи, и от этого понимания становилось горько.

— Ну, всяко меньше, чем обходить всю Москву, — она рассмеялась, и её смех был лёгким, но не насмешливым — скорее, смехом человека, который смотрит на огромную задачу и не боится её, потому что знает: главное — начать.

— А если не найдём? — посмотрел на неё в ожидании, и в этом взгляде было не столько сомнение, сколько просьба дать хоть каплю уверенности.

— Вот потом об этом и подумаем, — спокойно ответила она, и в этой простоте было столько силы, что мои сомнения на секунду отступили. — У тебя есть права? — неожиданно спросила она.

— Да, а что?

— Надо приобрести машину. На такси дорого, а на метро долго и неудобно, — казалось, она просчитывает и обдумывает все детали, как шахматист, видящий на несколько ходов вперёд.

— Ты серьёзно собираешься купить машину? — не мог даже представить, какой суммой располагает Ольга.

— Да. Не шикарную, конечно. Может, «девятку» или «десятку». Подержанная не должна быть слишком дорогой. Я думала над этим с первого дня, у меня есть права. Но этот город слишком большой, и я не уверена, что смогу здесь водить машину. Может, позже, когда немного привыкну, — призналась она, и в этой честности было что-то трогательное — она не притворялась бесстрашной, а просто честно говорила, чего боится и на что готова.

Эта девушка не перестаёт меня удивлять!

Следующие несколько дней мы составляли список всевозможных ресторанов, кафе и пунктов быстрого питания. Искали подходящую машину. Я даже стал привыкать к Ольгиным странностям и быстрой смене настроения — к тому, как она то замолкает, будто уходит в себя, то вдруг загорается новой идеей, и тогда её глаза начинают светиться, как фонари в тёмном переулке.

Список получился внушительным. Чтобы объехать их все, уйдёт месяца три, не меньше. Когда мой энтузиазм пропадал, Оля подбадривала — не пустыми словами, а так, что в груди

снова разгорался маленький огонёк надежды. Кажется, она была абсолютно уверена в успехе, и эта уверенность передавалась мне, как тепло от руки, которую ты держишь в своей.

— Как ты можешь быть абсолютно уверена в том, что мы найдём Сашу? — однажды не выдержал я, устав от этой неопределённости, от ожидания, от бесконечного составления списков и планов, которые казались такими хрупкими.

— Я чувствую, — многозначительно выдала она, даже непонятно — шутит или правду говорит. Иногда её ответы были с двойным смыслом или интонацией, будто в них пряталась какая-то тайна. Ольга определённо что-то недоговаривала, но каждый раз, когда я спрашивал, она мягко уходила от ответа, не обижая, а просто оставляя мне право додумывать самому.

А в остальном она была очень даже хорошим человеком. Весёлой, заботливой, понимающей — иногда даже чересчур. Казалось, она читает меня, как открытую книгу, и порой говорит раньше, чем я успеваю спросить. Мы знакомы всего неделю, а кажется, что я знаю её всю жизнь, а она меня — ещё дольше. С ней так легко общаться, будто между нами никогда не было ни стен, ни недосказанности, ни страха быть непонятым.

Оля действительно становилась мне другом. Лучшим другом. Сначала меня пугала её прямота, но теперь она даже нравилась. Ведь так и должен поступать настоящий друг — говорить правду, а не то, что люди хотят слышать. И в этой правде было столько тепла, что оно постепенно растапливало лёд, сковывавший моё сердце.

ГЛАВА 9

Евгений.

Мы купили недорогую, но в очень хорошем состоянии машину — «десятку». Цвет был невнятный, серо-зелёный, как камень на дне реки, но кузов целый, мотор работал ровно, без хрипов, и Ольга, сев за руль, так крепко сжала его, будто держалась не за руль, а за собственную новую жизнь. Полторы недели объезжаем каждое заведение по списку. Разбив список на районы, мы начали с ближайших к снятой Ольгой квартире — с тех, что лежали, словно спелые плоды, в радиусе получаса езды. Вначале удавалось посетить около десяти за день: заходили, спрашивали, показывали фотографию Саши — единственную, что у меня была, потёртую, с загнутым уголком, — и каждый раз качали головами в ответ. Лица мелькали, сливались, коридоры заведений были похожи один на другой, как братья-близнецы, и к вечеру в голове гудело от чужих улыбок и вежливых отказов. Но чем дальше находились рестораны, тем меньше получалось объехать — пробки, развязки, бесконечные перекрёстки, в которых я терялся, как в чужом разговоре.

Сегодня мы забрались слишком далеко. Серые многоэтажки сменились промышленной окраиной, потом снова жилыми кварталами, но уже другими — новее, выше, безликое. Дорога тянулась бесконечно, и за окном медленно гасло небо, окрашиваясь сначала в мутный оранжевый, потом в сиреневый, а потом просто стало тёмным и тяжёлым, как крышка, которую медленно опускают. Оля предложила остановиться в гостинице, чтоб не тратить время на обратную дорогу и проехать побольше завтра, сэкономяв хоть немного часов. Я с радостью согласился — не столько из практичности, сколько потому, что устал настолько, что мысль о ещё одном часе за рулём вызвала тошноту.

К полуночи мы решили, что на сегодня хватит, и сняли двухместный номер в недорогой гостинице — «это со слов Ольги», а на самом деле комната была такой же тесной и безликой, как та, в которой я жил первую ночь в Москве: две кровати, тумбочка, телевизор на стене, который никто не включал, и шторы, не до конца закрывающие окно, — сквозь щель проникал уличный свет и ложился на пол тонкой белой полоской, как трещина в темноте.

Поев в последнем кафе, недалеко от гостиницы, мы вернулись в снятый номер. За ужином мы почти не разговаривали — усталость съела слова, и ели молча, обмениваясь лишь

взглядами. Оля приняла душ, и пока она была там, я слышал шум воды за тонкой стеной — ровный, монотонный, он немного успокаивал, как дождь за окном, который засыпаешь под него. К тому моменту, как я вышел из ванной, Оля лежала на кровати и смотрела в потолок. Волосы у неё были влажные, разметались по подушке тёмными прядями, а лицо казалось бледным и тихим — не грустным, а скорее настороженным, как у человека, который собирается сказать что-то важное и не знает, как к этому подступить.

— Скоро вы встретитесь, — внезапно констатировала она, и голос её прозвучал так ровно, так буднично, будто сообщала прогноз погоды. Но от этих слов по спине у меня пробежал холодок — не от страха, а от того, как она это сказала: не с надеждой и не с сочувствием, а с уверенностью человека, который знает расписание поездов.

Потом резко села и, похлопав рукой по кровати, попросила присесть рядом. Взгляд её был взволнованный — в нём металось что-то живое, беспокойное, как отблеск пламени на ветру. Я сел рядом, и она в свойственной ей манере заглянула мне в глаза — тем самым взглядом, от которого хотелось одновременно спрятаться и остаться, потому что в нём не было ни осуждения, ни жалости, а только тихая, почти мучительная честность.

— Может, нам не стоит продолжать поиски? — неожиданно спросила она, и от этого вопроса у меня внутри что-то оборвалось, как нитка, на которой держалось всё.

— Что? — изумился я. — Ты только что сказала, что мы скоро встретимся.

— Я уже не уверена, что это была хорошая идея, — она взяла меня за руку, и пальцы её были тёплыми, но слегка дрожащими. — Она не хочет, чтоб ты её нашёл. Саша ждала тебя из тюрьмы из-за чувства вины. Ты сидел за неё, и она приезжала к тебе, чувствуя себя обязанной тебе. Переехав в Москву, спустя два года твоего заключения, она встретила человека и полюбила его. Они живут вместе до сих пор и собираются пожениться. Он не знает о тебе и о той ситуации. Саша говорила, что едет навестить родителей, когда приезжала к тебе. Пару раз он хотел поехать с ней, чтоб познакомиться, но она отговаривала его, говоря, что ещё не время.

Ольга глубоко вздохнула, и в этом вздохе было столько тяжести, будто она несла на плечах не свой рассказ, а мою боль, которую заранее примеряла на себя.

— Когда ты вышел, Саша побыла с тобой немного, чтоб убедиться, что ты устроился и продолжаешь жить, и с чувством выполненного долга уехала. Теперь она чувствует себя свободной. Она не вернётся к тебе. — Ольга сочувственно посмотрела на меня, и в этом взгляде не было жестокости — только горькая нежность человека, который знает, что лекарство горькое, но молчать нельзя. — Когда вы встретитесь, тебе будет больно. Я не хочу этого.

Она замолчала. Тишина в комнате стала плотной, почти давящей — не пустой, а наполненной, как воздух перед грозой, когда каждое слово повисает в пространстве и не падает, потому что следующее ещё не родилось.

Я не мог поверить в услышанное. Это звучит как бред. Как Оля может знать, что делала Саша всё это время? Нет. Нет, я не могу в это поверить. Зачем она так поступает со мной? Чего хочет добиться? Внутри поднялась волна — горячая, тёмная, из тех, что накрывают с головой, и в ушах загудело, как в ракушку.

— Это полный бред, — я выдернул руку, и от этого движения кровать скрипнула, и скрип прозвучал резко, как выстрел. — С чего ты всё это взяла? Зачем?! — я встал с кровати и начал мерить шагами комнату — три шага до стены, три обратно, и так снова и снова, как зверь в клетке, потому что движение казалось единственным, что ещё держало меня в реальности. — Зачем ты всё это мне наговорила? Это очень жестоко с твоей стороны.

— Я это вижу... — начала она тихо, почти шёпотом, будто просила о чём-то.

— Вижу? Что за чушь? — я одарил её злобным взглядом, и от этого взгляда она сжалась, но не отступила.

— Это не чушь! Я правда вижу. Не знаю, как это получается, но я вижу или чувствую некоторые события, — она стушевалась, и в её голосе проступила неуверенность — не в том, что она видела, а в том, что ей поверят.

— Что ж ты не увидела, что случится с тобой! — я был в бешенстве и, не отдавая себе отчёта, перешёл границу дозволенного. Слова вырвались сами, как камень из пращи, и я понял, что бросил их, только когда они уже ударили.

— Я не могу видеть своего будущего, но вижу других людей, — она говорила спокойно, не обращая внимания на моё жестокое высказывание, и это спокойствие было не слабостью, а силой — той, что бывает у людей, которых уже ранили настолько глубоко, что новые удары ложатся поверх старых шрамов, как дождь на мокрую землю. — Если бы ты не стал искать её, я бы никогда тебе этого не сказала. Я правда не хочу, чтоб тебе было больно. Но теперь ты хотя бы знаешь и, если хочешь, мы продолжим поиски. Теперь ты будешь готов к тому, что увидишь.

— Нет, нет, нет, это не правда. Она не могла так поступить, — я сел на соседнюю кровать и обхватил голову руками, и от этого жеста мир сузился до точки, до тёплой тьмы между ладонями, и в этой тьме было безопаснее, чем снаружи. — Мы любили друг друга. Саша не могла так поступить.

— Вы никогда не любили друг друга, — Оля вздохнула, и вздох её был долгим, медленным, как выдох человека, который давно знает правду и устал её носить. — Вам было хорошо вместе, это было что угодно, но не любовь. Ты к ней прикипел, а она — она просто ждала, чувствуя вину и обязательства. Каждый человек за свои ошибки должен отвечать сам. Тот, кто любит, никогда не позволит страдать любимому за свои ошибки. Сколько бы Антон ни сделал мне плохого, я никогда не позволила бы ему сесть в тюрьму за меня.

— Ты не знаешь, о чём говоришь. Она не смогла бы там, — пытался выгораживать Сашу, и от того, как отчаянно я цеплялся за эту соломинку, мне самому становилось тошно.

— Это пустые отговорки, — злилась Оля, и в её голосе впервые проступила ярость — не на меня, а на саму идею, что любовь можно подменить виной и назвать это благородством. — Смогла бы, так же, как и ты. Это её вина, её и наказание.

— Ты не понимаешь, через что я прошёл...

— Понимаю, — прервала меня Ольга, и это «понимаю» прозвучало так, что воздух в комнате стал холоднее. — Я видела твои шрамы, ожоги. Я прочувствовала каждый. Я знаю, что было. И знаю, что Саша не знает. Ты не говорил никому. Но я знаю, потому что вижу.

Оля замолчала и опустила глаза, и в этот момент она выглядела так, будто сама не ожидала, что скажет всё это вслух, и теперь несла тяжесть произнесённого, как несут тяжесть воды в ладонях — аккуратно, зная, что прольётся.

А я продолжал смотреть на неё, потрясённый услышанным. Как? Как такое возможно? Откуда она знает? Я ведь действительно не говорил ни единой душе — ни другу, ни адвокату, ни Кате, никому. Шрамы прятал под одеждой, как прячут постыдные тайны, и думал, что они умрут вместе со мной. Неужели всё сказанное Ольгой — правда? В голове крутилось, стучало, гудело, и ни одна мысль не могла зацепиться за другую — всё рассыпалось, как песок сквозь пальцы.

— Мне надо подумать, — наконец заговорил я, и голос прозвучал хрипло, будто я долго молчал, а не говорил минуту назад. — Давай будем спать. Завтра я решу, что делать.

Выключив свет, я лёг на кровать, не раздеваясь. Оля сделала то же самое. Темнота накрыла комнату, и в этой темноте чужой номер перестал быть чужим — он стал просто пространством, в котором два человека лежали рядом и молчали, и каждый думал о своём. Голова шла кругом. Пытаясь собрать мысли в единое целое, я перебирал каждое сказанное предложение, разворачивал его, как свёрток, и заглядывал внутрь, и каждый раз находил что-то новое — трещину, которую раньше не замечал.

Может, стоит закончить поиски и уехать? А что потом? Вечно думать, было ли это правдой. Пойти до конца? Хочу ли я убедиться в том, что это правда? А если это просто бурная фантазия человека-одиночки, жестоко обиженной самой жизнью? Как же трудно сделать выбор — он лежал передо мной, как развилка на дороге, и ни один путь не обещал лёгкости.

Но в глубине души, там, куда не доставали ни сомнения, ни страх, ни гордость, я понимал: хочу знать правду, какой бы она ни была. Пусть горькой, пусть жестокой, пусть такой, от которой не встают — но правдой. Потому что ложь, даже милосердная, остаётся ложью, а правда, даже жестокая, даёт точку опоры.

Я пойду до конца. И будет так, как должно быть.

Где-то за стеной стучали трубы, за окном проехала машина, и свет её фар скользнул по потолку, как прожектор, и исчез. Оля дышала ровно — может, спала, а может, притворялась, как я. И в этой тишине, в этой темноте, в этом чужом номере на окраине чужого города я впервые за долгое время почувствовал не страх, а странное, тихое спокойствие — не от того, что знал ответ, а от того, что решил его найти.

ГЛАВА 10

Ольга.

Проснувшись утром, я потянулась, и только тогда поняла: кровать Жени была пустой. Холодная, смятая простыня лежала, как улика — будто он исчез, не оставив даже записки. Он ушёл? Не прощаясь? Сердце сжалось, и в груди стало тесно, как бывает, когда делаешь резкий вдох и не можешь выдохнуть. Может, зря я сказала ему правду? Он бы всё равно узнал — рано или поздно правда всегда находит дорогу, как вода находит трещину в камне. Но неподготовленному ему было бы больнее — в сто раз больнее, потому что удар приходит не тогда, когда ждёшь, а когда опускаешь руки. Теперь Евгений сможет придумать, что сказать. Если он, конечно, не уехал домой, не стёр этот город, эти дни, меня — как стирают мел с доски, оставляя только чистую, пустую поверхность.

Открылась входная дверь, и я выбралась из постели, чувствуя, как пол холодит ступни, возвращая к реальности. В комнату зашёл Женья — не с виноватым видом, не с опущенной головой, а с двумя стаканами кофе, от которых поднимался пар, и коробкой пиццы, прижатой к груди, будто это был не завтрак, а щит, за которым можно спрятаться от неловкости.

— Предлагаю перемирие, — он протянул мне стакан и положил коробку на мою кровать, и в этом жесте было столько простоты, столько желания вернуть то хрупкое равновесие, что я вдруг почувствовала, как напряжение, сковывавшее меня с утра, медленно отпускает. — Давай позавтракаем и поедем.

— Куда? — спросила я, уже откусывая пиццу, и горячий сыр потянулся ниткой, и этот обычный, почти смешной момент вдруг показался мне невероятно важным — как будто именно в нём, в этом кусочке пиццы, в этом глотке кофе, пряталось наше примирение.

— Продолжать поиски, — он улыбнулся, и улыбка его была не натянутой, не вымученной, а настоящей — в ней не было и намёка на вчерашний гнев, на те резкие слова, что ранили, как осколки. Шоколадно-карие глаза по-доброму блестели, и в них читалось не упрямство, а решимость — тихая, спокойная, но железная.

— Хорошо, — быстро согласилась я, и в этой поспешности не было ни капли легкомыслия — просто я боялась, что если задержусь хоть на секунду, если начну думать, то надежда, что он поверит мне, рассыплется, как песок сквозь пальцы. Надеяться, что он поверит, было глупо, но я всё равно надеялась — потому что иногда глупость — это единственное, что остаётся, когда всё остальное рушится.

Мы принялись за пиццу. Тишина в комнате была не напряжённой, а уютной — такой, какая бывает между людьми, которые уже прошли через бурю и теперь могут просто сидеть рядом и есть, не чувствуя необходимости заполнять каждую секунду словами.

Какая же странная всё-таки жизнь. Я уехала, чтобы начать всё с начала — хотела стереть прошлое, как стирают пятно с одежды, и начать с чистого листа. А вместо этого помогаю запутавшемуся парню окунуться в прошлое, нырнуть в него с головой и вынырнуть уже другим — или не вынырнуть вовсе. Зачем нас свела судьба? И почему его лицо мне кажется знакомым? Не как у человека, которого я когда-то встречала, а как у того, кого я знала всегда — ещё до того, как родилась, ещё до того, как мир стал таким, каким он есть.

Я столько знаю о его жизни, но в ней нет точек пересечения с моей. У нас разные специализации, разные друзья и знакомые, нет общих интересов. Если бы не поиски его жены, между нами не было бы ничего общего вообще. Что нас может связывать — не понимаю. Я могла бы отдать ему машину, дать денег и заняться своей жизнью — уйти, раствориться в городе, как растворяется сахар в горячем чае. Но почему-то не могу этого сделать. Что-то удерживает меня рядом с ним — не чувство долга, не жалость, а что-то другое, более глубокое, более древнее. Словно какая-то сила хочет, чтобы мы дошли вместе до конца, как два путника, чьих судьба поставила на одну тропу, зная, что поодиночке они не справятся.

Я чувствую в нём родную душу. Наши судьбы действительно похожи — не деталями, не событиями, а самой сутью: мы пережили большую трагедию, каждый свою. Нас предали, и каждый из нас не знает, как жить дальше — как человек, который проснулся в незнакомой комнате и не помнит, как туда попал. Это действительно судьба. Я стала оживать рядом с ним — не потому, что забыла свою боль, а потому, что рядом с его болью моя перестала быть единственной, перестала заполнять всё пространство, как дым заполняет комнату. Перестала чувствовать себя лишней в этом огромном мире — впервые за долгое время я почувствовала, что моё присутствие здесь не случайно, что я нужна. Иногда даже кажется, что я живу ради него — не в смысле самопожертвования, а в смысле цели: я живу, потому что Жене нужна моя помощь. Я действительно хочу ему помочь — хочу помочь ему вернуть себя, вернуть себя прежнего, насколько это возможно. Как человек возвращает себе голос после долгой болезни — сначала шёпотом, потом тихим словом, потом уже нормальным, сильным голосом.

— О чём думаешь? — Евгений вернул меня в реальность, и его голос прозвучал мягко, без нажима, просто как приглашение вернуться.

— Да так, размышляю о том, что свело нас, — призналась я, не пытаясь спрятать свои мысли за шуткой.

— И как успехи? — его нежная улыбка подкупала — в ней не было снисхождения, только искренний интерес, как будто мои размышления были для него важны.

— Может, помнишь стих из школьной программы? Маяковский написал стих, называется «Послушайте!» —

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают -

значит - это кому-нибудь нужно?

Значит - кто-то хочет, чтобы они были?

Значит - кто-то называет эти плевочки жемчужиной?

И, надрываясь

*в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит -
чтоб обязательно была звезда! -
клянется -
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
"Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!"
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают -
значит - это кому-нибудь нужно?
Значит - это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами*

загоралась хоть одна звезда?! - я произнесла название тихо, почти шёпотом, но в нём вдруг прозвучало всё, что я хотела сказать: и про звёзды, и про то, что кому-то нужно, чтобы они были, и про ту самую необходимость быть услышанным. — Мне кажется, он про нас. Про то, что иногда нужно просто остановиться и посмотреть наверх. И понять, что ты не один.

Даже если кажется, что весь мир отвернулся, где-то там, высоко, всё ещё горят звёзды. И кто-то смотрит на них и думает о тебе. Или просто надеется, что ты их увидишь.

Женя замер на секунду, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними. Потом медленно кивнул, и в его глазах мелькнуло понимание — не полное, не до конца, но достаточное, чтобы я почувствовала: он слышит.

— Знаешь, — сказал он тихо, — я его не помню. Но если ты говоришь, что он про нас, значит, так и есть. Давай я его найду и прочитаю. Может, там есть ответ на какой-нибудь из моих вопросов.

И в этот момент я вдруг поняла: нам не обязательно знать все ответы. Достаточно знать, что мы идём дальше. Вместе.

— Может, и мы встретились не просто так? Может, это тоже кому-нибудь нужно? — Женя смотрел вполне серьёзно, и в его взгляде не было ни тени легкомыслия — только тихая, почти болезненная попытка ухватиться за хоть какой-то смысл в хаосе случайностей. Солнце, пробившись сквозь щель между шторами, легло на его плечо золотистой полосой, будто само время на секунду замерло, чтобы подчеркнуть важность этих слов.

— Кому, например? — я начала задумываться над этим, и мысли поплыли, как лёгкие облака, подгоняемые ветром. Действительно, наша встреча была случайной — сначала в вагоне, где мы едва не столкнулись у двери, потом ещё два раза, уже в городе. Если в поезде у нас был хоть какой-то шанс пересечься, то в мегаполисе, среди миллионов лиц и тысяч улиц, это был один шанс на миллиард — как найти одну песчинку на бескрайнем пляже.

— Не знаю. Как я могу знать? — он пожал плечами, и этот простой жест вдруг показался мне удивительно честным — в нём не было попытки казаться мудрее, чем он есть, только признание своего бессилия перед загадкой судьбы.

— Кто из нас видит будущее? — я рассмеялась, но смех вышел не громким, а мягким, почти застенчивым, и в нём пряталась попытка развеять ту серьёзность, что повисла между нами, как тонкая паутинка на ветру.

— Может, тебе расскажут, кому нужно и зачем мы встретились, — шутил он по-доброму, и в этой шутке не было насмешки — скорее, в ней сквозила надежда, что где-то там, за пределами нашего понимания, всё устроено разумно и у каждой встречи есть свой смысл.

— Может, когда-нибудь я об этом узнаю, — в моём взгляде не было смеха, только полная серьёзность — будто я вдруг поверила, что ответы существуют, просто они спрятаны где-то очень глубоко, за семью печатями, и до них нужно дойти.

— Не забудь рассказать мне, — всё так же задорно говорил Евгений, но в интонации проскальзывала едва уловимая просьба: не оставляй меня одного с этими вопросами, не позволяй им превратиться в пустоту. — Я тоже задавался этим вопросом и хочу узнать на него ответ.

— Хорошо, если узнаю, то обязательно тебе расскажу, — я улыбнулась игриво, но в этой улыбке пряталась и другая эмоция — обещание, пусть и хрупкое, что я не исчезну, что мы будем искать ответы вместе.

— Ты всегда сопоставляешь жизнь со стихами? — неожиданно спросил он, и в этом вопросе не было упрёка, только искреннее любопытство человека, который пытается понять, как устроен чужой внутренний мир.

— Бывает иногда, — призналась я, чувствуя, как внутри просыпается лёгкое волнение, будто я собиралась открыть маленькую, но очень личную тайну. — Хочешь, расскажу свой?

— Давай, — кивнул он, и в этом простом слове было столько доверия, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— Только чур не смеяться, — я погрозила ему пальцем, но в жесте не было строгости — скорее, это была защитная поза человека, который привык прятать свои чувства за шутками, а теперь решил показать их.

— Обещаю! — Женя поднял руку, как в клятве, и в этом театральном жесте было столько тепла, столько желания сделать этот момент важным, что мне вдруг захотелось верить: даже если он посмеётся, то сделает это не со зла, а от удивления, от того, что мир оказался сложнее и красивее, чем ему казалось.

И в эту секунду комната будто стала меньше, уютнее — шум города за окном стих, тени легли мягче, а воздух наполнился ожиданием, как перед первым аккордом любимой песни. Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и начала говорить, чувствуя, как слова, которые я так долго носила в себе, наконец обретают голос.

*- Шла я по улицы темной, домой.
Перед собой вижу глаза.
Грусть и надежда виднеется в них,
И потихоньку скользнула слеза.
Что с ними случилось? Подумала я.
Вдруг отвечают мне эти глаза,
Печально смотря на меня:
«Живем мы нормально и все у нас есть.
Деньги, прислуга, достаток и честь.
Только одно обошло стороной,
Никак не найдем мы в жизни покой.
Нет того сердца, который бы нас
В жизни выслушать мог бы хоть раз.
Вот так и живем, храним все в себе,
Многое есть, а этого нет.»
С тех пор этим сердцем стала им я.
Вот так и живем,
Сердце я, а они мне глаза.*

— И с кем ты себя ассоциируешь? Я, конечно, догадываюсь, но хочу уточнить, — его взгляд был серьёзен, и в нём читалось не любопытство праздного собеседника, а желание докопаться до сути, будто от этого ответа зависело, как дальше лягут между нами слова и тишина.

— С глазами, а тебя — с сердцем. Я многое вижу, но разучилась чувствовать. Ты же живёшь сердцем, но совершенно не видишь реальности, — произнесла я тихо, почти шёпотом, и сама удивилась, насколько точно легли эти слова — будто я не придумала их, а вытащила из темноты, где они давно лежали, дожидаясь своего часа.

— Превосходно! — воскликнул он, и в этом восклицании прозвучало не торжество, а скорее изумление человека, которому внезапно показали мир с другой стороны. — Оказывается, я не понимаю, что делаю. Так получается? Да?

— Ну, вроде того, — пожала я плечами, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел — хотелось одновременно и забрать слова назад, и оставить их висеть в воздухе, как фонари над пустой улицей.

— Стих мне понравился. Я даже угадал, кто есть кто. Только думал, ты скажешь, что я научил тебя жить дальше и стал другом, ну или что-то типа того. А ты так всё вывернула... Просто нет слов, — он усмехнулся, но в усмешке не было обиды — скорее, лёгкая растерянность, как у человека, который привык видеть мир в чёрно-белых тонах, а тут вдруг обнаружил целую палитру.

— Не обижайся, просто я так чувствую, — поспешила успокоить я, и голос мой прозвучал чуть выше обычного, выдавая волнение.

— Я не обижаюсь, — усмехнулся Евгений. — После твоего вчерашнего закидона я понял, что это бесполезно. У тебя такая манера общения — говорить, что думаешь.

— Это плохо? — я напряглась, и пальцы невольно сжались в кулаки, будто готовились защищаться от слов, которых ещё не было.

— Да нет. Просто не всегда бываешь готов слышать правду, особенно если она тебе не нравится, — сказал он прямо, без прикрас, и в этой прямоте было столько честности, что напряжение во мне медленно начало таять.

— Прости, — я сделала виноватое лицо, но виноватой себя не чувствовала — скорее, мне было жаль, что правда иногда ранит, как осколок стекла, который не видишь, пока не наступишь. — Я считаю, лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

— Я тоже так думаю, но иногда это слишком больно, — тихо произнёс он, и в этих словах прозвучала тень чего-то личного, глубоко спрятанного. — Ладно, давай собираться.

Женя вышел из комнаты, давая мне возможность переодеться. В тишине, которая осталась после него, воздух будто стал плотнее, насыщеннее, как бывает перед грозой. Когда я почти собралась, зазвонил телефон — резкий, настойчивый звук, ворвавшийся в эту тишину, как луч света в тёмную комнату. Это была Настя.

— Да, — ответила я, и собственный голос прозвучал непривычно громко, будто я пыталась заглушить мысли, которые кружились в голове, как осенние листья на ветру.

— Ты куда пропала? — взволнованным голосом заговорила сестра, и в её голосе было столько тепла и тревоги, что на секунду мне захотелось просто положить голову ей на плечо и рассказать всё, от начала до конца. — Как уехала, так ни разу не позвонила. У тебя всё хорошо?

— Да, всё хорошо, просто так всё закрутилось, что я не заметила, как пролетело столько дней. Как вы?

— Да у нас всё по-прежнему. Лучше расскажи, чем ты так занята? — уже спокойнее заговорила Настя, и в её интонации проскользнула привычная забота, от которой на душе становилось светлее.

— Ооо, я смотрю, у тебя действительно началась новая жизнь, — воодушевилась она, когда из коридора донёсся голос Жени. — Кто он? Рассказывай со всеми подробностями!

— Сейчас иду, — ответила я Евгению, а потом снова в трубку: — Просто знакомый.

— Что, настолько всё плохо, что себя в качестве жены даже не рассматриваешь? Он настолько страшненький? — смеялась Настя, и её смех был таким живым, таким настоящим, что на мгновение я почувствовала себя почти обычной девушкой, у которой есть сестра, которая шутит и волнуется, и это нормально.

— Да нет, он очень симпатичный, но у Жени есть жена, она сбежала, и мы её ищем, — призналась я, и слова прозвучали странно, будто я оправдывалась перед кем-то, хотя оправдываться было не за что.

— Я смотрю, в твоей новой жизни мало что изменилось. Без проблем ты по-прежнему не можешь, — поддразнила Настя, но в её шутке не было злости — только любовь, которая умеет прятаться за иронией.

— Не ерничай. Я помогаю ему в поисках, а он учит меня снова жить, — всё же признала я правду, и от того, что сказала это вслух, стало легче, будто с плеч упал тяжёлый мешок, который я носила так долго, что уже и забыла, как это — ходить без него.

— Ну, я рада, что у тебя всё налаживается, — голос Насти стал мягче, и в нём прозвучало то, что я так хотела услышать: принятие.

— Мне надо идти, давай как-нибудь потом поговорим.

— Ладно, ладно, теперь хоть буду спокойна, зная, что за тобой есть кому присмотреть. Удачи в поисках! — не дождавшись ответа, Настя повесила трубку, а я пошла к выходу, чувствуя, как в груди медленно разгорается маленький огонёк благодарности.

Вновь до поздней ночи мы объезжали рестораны и кафе. Город стелился перед нами, как бесконечный лабиринт: улицы сплетались, дворы повторялись, вывески мелькали, сливаясь в единую пёструю ленту. Многие заведения находились достаточно близко друг к другу, и мы

оглядывали весь персонал, на случай если Александра работает простой официанткой — вдруг она решила начать с чистого листа, не афишируя своё прошлое. Вычеркнув порядка двадцати адресов, мы снова остановились в гостинице. Решив, что, если завтра нам вновь не повезёт, вернёмся в квартиру, и я расторгну договор, чтобы перебраться поближе к зоне поиска.

Я вновь поинтересовалась, не хочет ли Женя отказаться от своей затеи, но он был непреклонен — в его упорстве было что-то почти отчаянное, как у человека, который держится за последнюю соломинку, зная, что если отпустит, то утонет.

Утром, позавтракав в маленькой кафешке с запахом свежего кофе и поджаренного хлеба, мы двинулись в путь. Проехав пять или шесть адресов, нас занесло во дворы спального района — тихие, серые, с детскими площадками, на которых ещё не успели растаять последние лужи, и с подъездами, похожими друг на друга, как близнецы.

— Ничего не понимаю, — возмущался Евгений, постукивая рукой по навигатору, и в этом жесте было столько бессилия, что мне захотелось просто взять его за руку и сказать: «Всё будет хорошо». — Какой-то сбой, он завёл нас не туда.

— Давай выйдем, оглядимся. Может, кафе в доме. Если нет, подождём, пока это чудо электроники снова поймает связь со спутником и покажет нам дорогу, — предложила я, стараясь говорить спокойно, будто уверенность можно передать через интонацию.

Мы припарковались на обочине у ближайшего дома и вышли из машины. Воздух здесь был другим — не городским, пропитанным выхлопными газами и асфальтом, а каким-то более домашним, пахнущим свежестью и чуть влажной землёй после ночного дождя. Подойдя к первому подъезду, мы присели на лавочку, и дерево под нами было прохладным, шершавым, будто напоминало: мир реален, он здесь, прямо под пальцами.

— Похоже, что здесь всё же нет кафе... — говорил Евгений, глядя куда-то в сторону, и его голос звучал рассеянно, как у человека, чьи мысли уже далеко. — Саша? — вдруг он встал, и в этом движении было столько внезапной энергии, столько напряжения, что я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Я действительно начинаю верить в судьбу! — говорила я, улыбаясь, одновременно вставая с лавочки. Проследив за его взглядом, я увидела пару, выходящую из машины. Мужчина подал руку девушке — невысокая, чуть полнее меня брюнетка в розовом лёгком сарафане, который развевался на ветру, как лепестки цветка. Она обняла мужчину и нежно поцеловала его в губы. Что и требовалось доказать, думала я, и в голове мелькнула горькая мысль: вот оно, простое человеческое счастье, которое не спрашивает, заслужил ты его или нет.

Но потом я вгляделась в её лицо получше — и мои глаза полезли на лоб. Меня затрясло, как в лихорадке, и земля под ногами будто качнулась, теряя привычную твёрдость. Я перевела взгляд на Евгения — и наши взгляды встретились. В его глазах читалось то же потрясение, та же немая просьба: «Скажи, что мне показалось».

— А вот и ответ, — дрожащим голосом произнесла я, и эти слова прозвучали не как констатация факта, а как приговор, который я сама не хотела подписывать.

Он вновь устремил взор на жену и двинулся в их сторону. Меня стало лихорадить, и я, передвигаясь словно на протезах, пошла прочь от двора. Мысли сменялись бурным потоком, как волны во время шторма, накрывая одна другую, не давая ни секунды передышки. Воспоминания хлынули огромной волной и затопили с головой. Эмоции выходили из-под контроля, и слёзы полились ручьём, обжигая щёки, как горячая вода. Печаль, гнев, отчаяние рвали душу на части, и каждый из этих осколков был острым, способным поранить до крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.